

Г. Честертон • М. Шелли
А. Конан Дойл • Ч. Диккенс
Дж. Лондон • Б. Стокер

ПОСЛАНИЕ ИЗ ТЬМЫ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Лорд Дансени

Послание из тьмы (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111 + 821.111(73) + 821.133.1 + 821.112.2
ББК 84(4Вел) + 84(7США) + 84(4Фра) + 84(4Гер)

Дансени Л.

Послание из тьмы (сборник) / Л. Дансени — Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга»,

ISBN 978-5-9910-3713-6

Таковыми мы их еще не видели! Разве кто-нибудь ожидал услышать страшную сказку на ночь от Стефана Цвейга или Герберта Уэллса? А, открыв очередной роман Джека Лондона, испугаться – последнее, что приходит в голову. Но эти и другие авторы доказали свою многогранность и разноплановость вошедшими в сборник рассказами и повестями. Погрузитесь в мир мистики и страха, на двери которого выцарапано: «Послание из тьмы»!

УДК 821.111 + 821.111(73) + 821.133.1 + 821.112.2
ББК 84(4Вел) + 84(7США) + 84(4Фра) + 84(4Гер)

ISBN 978-5-9910-3713-6

© Дансени Л.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Артур Конан Дойл	6
Призраки старой усадьбы	7
Призрак по сходной цене	13
Забияка из Броукас-Корта	27
Призрак бродит по Лондону	35
Мэри Шелли	41
Роджер Додсворт, воскресший англичанин	42
Гилберт Кийт Честертон	48
Огненный ангел	49
Величие мелочей	51
Джером К. Джером	53
Из сборника «Рассказы после ужина»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Послание из тьмы (сборник)

© Григорий Панченко, 2016

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

* * *

Артур Конан Дойл

Трудно представить читателя, которому Конан Дойл не был бы известен как ведущий классик, в некотором смысле «отец» детективного жанра – и один из представителей старой фантастики. При такой широте литературного охвата его интерес к «привиденческой» тематике неудивителен. Правда, на разных этапах жизненного и творческого пути он проявлялся не одинаковым образом.

В сборнике представлены все эти этапы. «Призраки старой усадьбы» – фактически первый из полноценных рассказов Конан Дойла, написанный еще в студенческие годы, надолго утерянный и обнаруженный уже в XXI веке; в нем, кроме решения чисто литературных задач, отчетливо чувствуется юношеский интерес к «странному и страшному», а вдобавок и поиск своего пути (например, появление пары центральных героев, отдельными чертами напоминающих Холмса и Ватсона). Следующие два рассказа, «Забияка из Броукас-Корта» и «Призрак по сходной цене» – произведения зрелого мастера, смело экспериментирующего в самых разных направлениях, всерьез и с иронией: Конан Дойл был большим знатоком как бокса, так и средневековых реалий – настоящим, а не таким, как «Д’Оддз» – Доддз. А вот поздний «Призрак бродит по Лондону» (название условное) – уже не рассказ, а скорее отчет «охотников за привидениями», относящийся к тому периоду, когда сэр Артур увлекся спиритизмом: он написан всерьез, даже слишком всерьез... Тем не менее автор, проявляя благородную, поистине джентльменскую доверчивость, не способен покривить душой – и честно признает, что сам-то он никаких призраков не видел, но верит на слово своим спутникам... которым, судя по всему, джентльменский кодекс не указ.

Призраки старой усадьбы

...Вот уже много лет события той страшной ночи стоят у меня перед глазами, и все, что произошло в моей жизни, четко делится на «до» и «после». Потому что в ту ночь я встретился с призраками...

Ваши чувства написаны на лице. Вы улыбаетесь? Напрасно – хотя, конечно, и сам я в свое время отреагировал бы на такое заявление лишь с ироническим недоверием. Однако послушайте меня...

Сейчас от того дряхлого флигеля, что стоял на нашей родовой земле (поместье Горстоп в Норфолке), уже ничего не осталось, однако в том году, когда у меня гостил Том Халтон, это здание еще пребывало во всей своей красе, вернее – в старческом уродстве. Сейчас это место находится на пересечении дорог, но в ту пору это была настоящая свалка. Окружающие постройки давно перестали существовать, сад пришел в запустение и зарос крапивой, вокруг – груды мусора, лужи помоев...

Короче говоря, в таком месте не захочешь оставаться ни днем, ни ночью – особенно если учесть, что в окрестных деревушках об этих развалинах ходили жутковатые рассказы. Конечно же, деревенские жители повествовали прежде всего о загробных столах, доносящихся из недр полуразрушенного здания, а гвоздем этих повествований была давняя история некоего шалопая по имени Гарстон, который будто бы на спор остался под этим проклятым кровом до утра – и был найден там живым, но с поседевшими волосами и трясущимся, как дряхлый старец.

Сам я в ту пору не сомневался, что все эти легенды объясняются исключительно суеверием, которое, увы, до сих пор характерно для необразованных жителей нашей провинциальной глубинки. Впрочем, наши фамильные архивы если и не подтверждали вышеупомянутые слухи, то, по крайней мере, отчасти делали понятным их происхождение: последним обитателем заброшенного здания был некий Годфри Марсден, злодей во всей силе этого слова, оставивший по себе недобрую память. Помимо множества прочих преступлений, на руках Марсдена была кровь двух его детей; жена, пытавшаяся его остановить, тоже поплатилась жизнью. Это чудовищное злодеяние было совершено почти сто лет назад, в смутную эпоху восстания Молодого Претендента¹, когда наша юстиция на определенное время оказалась почти парализована – поэтому преступнику удалось бежать на континент. Дальнейшая судьба его неизвестна. Те, кто прежде успел ссудить негодя деньгами (надо сказать, во всем мире лишь эти займодавцы и пожалели о бесследном исчезновении Марсдена), все же попытались что-то выяснить – и из добытых ими сведений вроде бы следовало, что мертвое тело убийцы было выброшено волнами на французское побережье: якобы он, не в силах бороться с муками совести, сам бросился в море. Однако никто из людей, по-настоящему знакомых с Марсденом, совершенно не мог представить себе, что он и муки совести хоть как-то совместимы.

Томас Халтон был моим другом детства, а кроме того – просто удивительно доброжелательной и неунывающей личностью, чье появление могло развеять любую тоску, так что я был очень рад, когда он навестил меня в этом моем уединении. Мы всегда находили общий

---

¹ Молодой Претендент, он же «Красавчик Чарли» – принц Карл Эдуард Стюарт, представитель королевского рода, в 1714 году отстраненного от английского трона. Прозвище связано с тем, что его отец, так и не сумевший занять престол под именем Иакова III, был прозван «Старшим Претендентом». После ряда неудач он в 1743 году уступил свои преимущественные права сыну – и через два года Молодой Претендент предпринял попытку завоевать корону. Эти его действия фактически превратились в поход на Англию шотландских кланов (с которыми Стюартов связывало разветвленное родство). 16 апреля 1746 года в битве при Каллодене правительственные войска одержали решительную победу, шотландские горцы были разгромлены, а Молодой Претендент бежал из страны. Данный исторический эпизод стал последним случаем военных действий на территории собственно Великобритании. (Здесь и далее примеч. пер.)

язык, хотя споры между нами возникали постоянно: я, выпускник медицинского факультета, привык избегать излишнего теоретизирования и видел вещи такими, какие они есть, – в то время как Том, проходивший учение в одном из германских университетов, к метафизике как раз был склонен². Сразу же после его приезда выяснилось, что мы по многим вопросам имеем диаметрально противоположное мнение, – однако поводом для настоящих разногласий это не стало, ибо мы сумели отнестись к нашим расхождениям во взглядах с юмором.

Уже не помню, как наш разговор перескочил на тему спиритизма и явления призраков, однако это произошло – и именно эту тему мы обсуждали дольше других. Время уже перевалило за полночь. Том вещал сквозь клубы дыма (он был заядлым курильщиком и не расставался с вересковой трубкой), как дельфийская пифия, скрытая за пеленой сернистых испарений, – хотя пифии, если верить древним, были хрупкими и изящными существами, а мой друг представлял собой великолепный типаж современного любителя спорта.

– Человечество издавна делится на тех, кто отрицает существование пришельцев из-за смертной грани, – и на тех, кто, относясь к этому вопросу без предвзятости, готов в определенных случаях признать их реальность. Характерно, что первой, скептической, категории сама мысль о призраках внушает ужас, а во второй пробуждает неутолимое любопытство. Вряд ли нужно говорить, что мне ближе последняя позиция. Ты же, подобно Фоме неверному, готов признать реально существующей лишь ту рану, в которую уже успел вложить перст. Что поделать: такова уж у вас, медиков, профессиональная предрасположенность. Зато у меня она прямо противоположна и направлена в сторону неизведанного! О нет, не надо упрощать: говоря о призраках, я вовсе не утверждаю правдивость всех этих рассказней насчет не допущенных в рай греховодников, которые и после смерти словно бы продолжают отбывать срок за свои преступления, гремя железом и стена в подвалах и по чердакам! Это, конечно, не более чем детские сказки – но...

– Ах, вот как? Значит, все же есть какое-то «но», не относящееся к числу этих «детских сказок»? Ну же, ну же!

– Гм... Это не так просто, Джек, однако все же постараюсь объяснить, какая концепция представляется наиболее вероятной мне самому. Прежде всего, согласимся: после физической смерти все, что происходит в этом мире, перестает иметь для человека какое-либо значение. То есть гипотезу о том, будто призраком становится тот, кто оказался лишен достойного погребения, оставим сразу: что бы там ни происходило с бранными останками, эфирному «двойнику» от этого ни тепло, ни холодно. Однако душевные устремления не могут развеяться так легко. Я действительно склонен предполагать, что призрак – это дух человека, застигнутого внезапной смертью в тот самый миг, когда все его помыслы были устремлены на некую одну, совершенно конкретную цель. Тогда, может статься, это устремление сохранит силу и там, где уже не остается ничего телесного.

Отчаянно жестикулируя, мой друг развеял дымную завесу, возникнув из-за нее, как будто и сам был призраком.

– Не подлежит сомнению, что душа, даже после распада плоти, может сохранять возвышенные чувства – вроде патриотизма или любви к ближнему. Но нельзя исключать и того, что ее могут отягощать и чувства темной природы, такие как ненависть или стремление отомстить. В этих случаях, думаю, они, словно якорь, соединяют дух с наитемнейшими сторонами посюстороннего, материального мира. На мой взгляд, именно такова природа явлений,

---

² Тут Конан Дойл словно бы «раздваивается», наделяя каждого из героев частичкой своей биографии. К моменту написания этого рассказа он, хотя еще и не стал выпускником медицинского факультета, уже готовился к переходу на выпускной курс, а за четыре года до этого прошел «промежуточный» (между последним школьным классом и зачислением в университет) курс обучения на континенте, правда, не в германском, а в австрийском городе Фельдкирхе. Сами же события, судя по упоминанию векового юбилея восстания Молодого Претендента, сдвинуты примерно на треть столетия назад.

до сих пор не нашедших объяснения науки и, возможно, в принципе не подвластных ей, но на уровне ощущений и веры соприкасающихся с каждым из нас.

– Что ж, Том, – отозвался я, – ты сам недавно соотнес меня с последователями почтенного Фомы. Поэтому, не оспаривая твои доводы в принципе, все же скажу, что ни ты, ни я своими, так сказать, перстами никаких привидений не ощупывали. Вот это-то и есть единственный безусловный факт. А что до «веры и ощущений» – то это не та материя, на которую я в таком вопросе готов положиться.

– Смейся-смейся, Фома неверный! В этом мире многое сначала подвергалось осмеянию, а потом все же было признано! Но при всем признай уже сейчас: разве тебе не хотелось бы своими глазами хоть мельком увидеть привидение, не говоря уже о том, чтобы как следует понаблюдать за ним?

– Ну что ты, Том, разумеется, нет! А тебе?

– А мне, столь же разумеется, да!

Повисла пауза. Потом мой друг вновь заговорил:

– Между прочим, если не ошибаюсь, ты сам рассказывал, что у вас тут есть какой-то заброшенный флигель, который будто бы посещается призраками и поэтому вот уже сто лет или около того туда никто из людей не заходит. Не против, если я там проведу ночь? Скажем, прямо завтра?

– Этого только мне не хватало! Туда и вправду уже без малого сто лет никто и сунуться не смел, во всяком случае, после заката – кроме одного болвана, который наутро вышел оттуда в куда более скорбном состоянии рассудка, чем зашел вечером!

– Вот оно, наше хваленое здравомыслие! – торжественно уличил меня Том. – Сам посуди: ты не веришь в существование призраков – и при этом категорически отказываешься посетить место их обитания, опасаясь, что это может поколебать твой скептицизм! Давай-ка порассуждаем логически: представь себе, что перед тобой сидит человек, утверждающий, что, допустим, в соседнем графстве нет никаких диковинок – потому что здесь, в его родном графстве, их доподлинно нет! Услышав такую логику, ты как медик, безусловно, имел бы право на вывод, что говоришь с сумасшедшим. А теперь давай применим эти рассуждения к тебе! В твоих владениях расположен старый дом, где ты ни разу в жизни не бывал, тем не менее ты...

– Послушай, – прервал я его, – если к завтрашнему вечеру это желание у тебя еще не выветрится – хорошо, так и быть! Только пойдем туда вместе. Ну, хотя бы для того, чтобы ты не мог мне потом заливать насчет «потусторонних гостей», с которыми тебе удалось встретиться, да только вот беда – подтвердить это некому. А теперь пора отправляться спать!

На следующее утро я с большим смущением вспоминал этот свой ответ, основную вину за него возлагая на алкоголь и надеясь, что у Томаса (он вчера прикладывался к бутылке не реже меня) мое обещание выветрилось из головы. Не тут-то было! Мой друг отлично запомнил, чем закончилась наша беседа, и, будучи от такого финала в полном восторге, всю ночь провел – во всяком случае, по его словам, – за составлением планов грядущей экспедиции. И вот к каким выводам он пришел:

– Все охотники за привидениями берут с собой пистолеты, а мы чем хуже? Значит, пара пистолетов, трубки и достаточный запас табака, чтобы не заскучать, бутылка ирландского виски с той же целью... Да, еще одеяла... Вроде бы ничего не забыл? Чует мое сердце, успех нам обеспечен!

«Господи помилуй!» – только и смог произнести я, да и то лишь мысленно. Однако я уже дал слово, и теперь оставалось лишь надеяться, что Том не заметит, сколь мал мой энтузиазм.

К вечеру мой друг уже буквально сидел как на иголках, поэтому во флигель мы отправились сразу по наступлении сумерек. Едва ли не впервые я разглядывал вблизи это зда-

ние: заброшенное, мрачное, старое, все увитое столь же старым плющом, как погребальный венок, – и вдобавок ко всему ветер трепал обвисшие стебли этого плюща, словно траурные ленты. Бодрости все это не добавляло; я в нерешительности оглянулся было на поблескивающие вдали огоньки человеческого жилья – но мой друг уже вставил в скважину ржавый ключ. Замок щелкнул, и мы ступили на вымощенный каменной плиткой пол, покрытый густым слоем пыли. Я зажег свечу.

– Устраивайся, дружище! – предложил Том, распахивая первую попавшуюся дверь. Я взглянул на открывающиеся за ней темные просторы огромного зала – и содрогнулся:

– Знаешь, лучше давай остановимся не здесь. Отыщем комнатку поменьше, такую, чтобы ее сразу можно было окинуть взглядом... Глядишь, и очаг там удастся разжечь!

– Пусть будет по-твоему. – Мой друг улыбнулся. – Я еще днем обошел это строение и, кажется, знаю, где находится то, что тебе нужно. Идем в другое крыло.

Он закрыл дверь и со свечой двинулся вперед. После некоторых блужданий мы вышли в длинный коридор и двинулись по нему. С одной стороны в этот коридор открывались пустые оконные проемы, так что мы время от времени пересекали участки, залитые мертвенным светом темной луны. Следуя по этому пути, мы действительно нашли вполне подходящую комнату, помеченную печатью запустения гораздо в меньшей степени, чем все остальные, встречавшиеся нам по дороге. На стенах даже оставались обои, какого-то неприятного багряного цвета, а одну из стен полностью занимал большой камин. Мы развели в нем огонь – и, против всех ожиданий, я почувствовал, что тут вполне можно провести ночь. Том, разумеется, снова был противоположного мнения:

– И это называется – бивак охотников за привидениями?! Тут все словно на самом обычном постоялом дворе! Стоило из-за этого выбирать из дома...

Но все же мы устроились у камина, выкурили одну за другой по трубке – и мой друг согласился, что призраков вполне можно поджидать и здесь. Вообще, вечер прошел на редкость удачно: в этой романтической обстановке и трубочная затяжка была слаще, и виски шел легче, и беседа теперь, когда мы все же нашли себе пристанище, текла ровнее – словом, я абсолютно уверен, что никогда прежде нам не удавалось пообщаться столь душевно. А снаружи бушевала непогода, луна то и дело пряталась за тучами, то и дело срывался дождь, оборванные стебли плюща все так же развевались на ветру...

– Хотел бы я знать, не протекает ли крыша. – Мой друг задумчиво посмотрел на потолок. – А впрочем, ерунда: над нами еще один этаж. Знаешь, там как раз есть что-то похожее на детскую... Говоришь, этот тип, прежде чем сбежать, прикончил своих отпрысков? Ну так бьюсь об заклад: он проделал это прямо у нас над головами! Кстати, уже почти двенадцать, так что если тут что и водится, то ему, согласно канонам, пора выходить на свет божий... то есть во тьму. Ох, ну и холодрыга тут у тебя: прямо-таки впору поверить, что это мертвенный хлад, ха! Слушай, а тебе не кажется, что мы сейчас сидим здесь, словно я и ты – опять школяры на очередном экзамене? Вот-вот возьмешь со стола билет – и поди заранее угадай, попадутся ли в нем знакомые вопросы... Лично мне – кажется!

– Тс-с-с...

– Что?

– Там какой-то звук... Вон оттуда, со стороны выхода!

– Ой, подумаешь, напугал... – Том хмыкнул. – Даром, что ли, мы брали с собой огнестрельное оружие!

– Том, честное слово, я что-то слышал! Кажется, там скрипнула дверь... Ох, Том, похоже, ты был прав, а я в своем скептицизме – не прав, а еще больше я не прав в том, что разрешил тебе прийти сюда и сам, как дурак, с тобой потащился!

– Ну так ведь не только потащился, но и притащился уже! – Мой друг снова хмыкнул. – Да ладно тебе, успоко... Ох! Ты слышал?!

На этот раз услышали мы оба: это был звук, с которым падают капли, – не снаружи, а где-то совсем рядом. Через секунду (к тому времени мы, вскочив с разложенных одеял, уже стояли на ногах, тесно прижавшись друг к другу), Том рассмеялся уже в полный голос:

– Ох, уморил! Дружище, ну мы с тобой и смельчаки, в самом-то деле... Это же надо – перепугаться, во время дождя услышав шум капли! Конечно, протекает не только крыша, но и пол в комнате над нами, вон, видишь, около стены в углу, там уже обои намокли... Глупее ситуации не придумаешь: гляди – самая обычная дождевая вода...

Том замер.

– Дружище! Что с тобой?

Он не ответил. Мой друг стоял неподвижно, словно окаменев, и смотрел в тот угол, где по рваным обоям стекала темная жидкость:

– Смотри! Ты видишь?! Это не вода!!!

Повинуясь, я присмотрелся внимательнее и – боже мой! – распознал в этой жидкости кровь. В тот самый миг, как я это понял, откуда-то сверху упала очередная капля. Мы с Томом одновременно устремили взгляд к потолку, пытаясь понять, откуда сочится этот страшный кровепад. Капли срывались из узкой щели, пересекавшей потолочную лепнину, словно след от ножа.

– Давай скорее уйдем отсюда, Том, – прошептал я и постарался направить своего друга к двери. – Нам нельзя здесь больше оставаться, это место вообще не для людей, идем же, ну...

– Ну нет! – Том яростно оттолкнул меня. – Просто уйти – и все?! Да здесь же и вправду произошло преступление! Кто бы его ни совершил – он не запугает меня кровавой каплей! Да, я сейчас выйду отсюда – но не чтобы бежать, а чтобы найти: я иду туда, пусти!

Он выскочил из комнаты. Всю дальнейшую жизнь я буду помнить те бесконечные секунды полного одиночества, которые мне довелось тогда испытать. За стеной по-прежнему стонал ветер, полыхали далекие зарницы – а в глубинах проклятого здания, куда только что кинулся мой друг, стояла беспросветная тьма и ничем не нарушаемое безмолвие. Лишь тихо поскрипывала дверь комнаты да продолжала звенеть, падая с потолка, кровавая капля.

Прошло совсем немного времени – и Том снова появился на пороге. Однако сейчас он едва держался на ногах, охваченный ужасом.

– Там кто-то есть! – едва сумел он выговорить онемевшими губами. – Не отходи от меня, Джек!

Плечом к плечу, как замороженные, мы, словно бы вопреки своей воле, таясь, выглянули в дверной проем. Сейчас луна в очередной раз вышла из-за туч – и квадраты падающего сквозь окна бледного света лежали на полу широкого коридора, как плиты. А из глубины коридора, скользя на грани света и тьмы, к нам приближалась какая-то неясная тень. Вот она подступила ближе, вот еще ближе... до нее всего три освещенных участка, два... один...

Затем эта тень пронеслась мимо нас, замерших у двери в комнату. Собственно, то, что мы увидели, уже не было тенью: это была человеческая, мужская фигура в одеяниях времен столетней давности, но смятых и изорванных. Не оглядываясь на нас, этот человек, если можно его так назвать, в беззвучном отчаянном беге устремился дальше по коридору. Я успел заметить его загорелое лицо и какие-то длинные ленты, свисавшие из волос и волочащиеся следом. В какой-то момент беглец обернулся так, что я сумел рассмотреть и выражение его лица тоже, – к сожалению для себя. Оно было настолько исковеркано страхом, а сам призрачный гость, хотя и продолжал бежать изо всех сил, до такой степени явно не надеялся уйти от того невидимого, что гналось за ним следом... Я, хотя тоже был объят ужасом, на мгновение буквально задохнулся от жалости и сочувствия. А в следующее мгновение я проследил за взглядом беглеца – и закаменел окончательно.

То, что гналось за ним, было бесплотным, но не незримым. Вторая тень приближалась по коридору, то появляясь, то исчезая в пятнах лунного света. Как и прежде, мы по-настоящему рассмотрели ее лишь вблизи, когда к лунному освещению прибавился еще и свет горящих свечей и камина.

Это была женщина, подлинная леди середины прошлого столетия – величественная молодая (по виду ей было менее тридцати) красавица, в длинном декольтированном платье. Она скользнула мимо нас, не поворачивая головы, но я успел разглядеть на ее изящной шее несколько пятен: четыре из них, вплотную друг к другу, темнели с левой стороны, а пятое, более крупное – справа.

Взгляд женщины был устремлен вдоль коридора – туда, где только что исчез преследуемый. Легкими, но неуловимо стремительными шагами она настигала скрывшегося во тьме беглеца.

Через несколько секунд после того, как и вторая призрачная фигура растворилась во мраке, дом буквально сотрясся от дикого, безумного вопля, в котором звучала невыразимая мука. Этот крик перекрыл звуки бури. А потом наступила тишина...

Наверное, мы с Томом еще долго стояли, оцепенев. Во всяком случае, когда мы, все так же прижимаясь друг к другу и еще не окончательно придя в себя, плелись к выходу из флигеля, в подсвечнике была уже новая свеча – от прежней остался лишь огарок. Молча мы открыли тяжелую, изъеденную временем и древоточцами створку входной двери, столь же молча перебрались через внешнюю ограду – а дальше уже помчались, не оглядываясь.

Опомниться нам удалось только внутри моего дома. Том попробовал было закурить, яростно выругался («О черт! Я оставил *там* свою любимую трубку! Теперь мне ее не видать – даже под угрозой смерти больше не пойду туда, пускай хотя бы и днем!»), однако тут же заговорил почти спокойно:

– И что же ты скажешь теперь, Джек? Надеюсь, ты хотя бы усомнился в том, что призраков действительно не существует?

– Ну, мы с тобой, как-никак, видели их собственными глазами... Бр-р-р... Ты помнишь его взгляд, когда он, этот первый, оглянулся на бегу?! Кстати, что это за украшения были у него в волосах?

– Украшения?! Морские водоросли, Джек! А что было у женщины на шее, ты хорошо рассмотрел? Тебе, медику, это должно быть известно даже лучше моего!

– Ты прав, это мне известно. Так должны выглядеть следы пальцев. Он задушил ее, а она после этого... Боже мой, Том! Молюсь только об одном: чтобы больше никогда...

– Воистину так! – прервал меня Том.

На этом наша встреча исчерпала себя. Утром мой друг, утоливший свое самое страстное желание «понаблюдать за призраками», вернулся в Лондон, а вскоре после этого уехал на Цейлон, где его отцу принадлежало несколько плантаций. С тех пор мы не виделись и связей не поддерживали, так что мне даже не известно, жив ли мой друг сейчас.

Только одно не подлежит сомнению: если он жив, то наверняка время от времени вспоминает страшную ночь, которую ему довелось провести в старом флигеле нашей родовой усадьбы...

Призрак по сходной цене

Абсолютно убежден: такие как я должны появляться на свет сразу в высшем обществе, и тот факт, что мне пришлось пробиваться в это общество своими силами, – типичная ошибка судьбы. Ныне мне самому трудно поверить, но вот вам самовзаправдашняя истина: целых двадцать лет моей жизни были потрачены на вульгарную торговлю овощами, и только такой ценой я сумел стать тем, кем являюсь сейчас, то есть уважаемым, респектабельным и финансово независимым владельцем поместья Стопгоп Грэндж. Какая вопиющая несправедливость, особенно если учесть, что я – счастливый обладатель благородно-консервативных привычек, мои манеры отличаются врожденным аристократизмом, а вкусы, и ежу понятно, аналогичной изысканностью. Мой фамильный дух с негодованием отвергает самую мысль о том, чтобы унизиться до слияния со стадом человеческих ничтожеств, не помнящих родства. Ведь наш род уходит корнями в наиглубочайшую древность: славная история семейства Д’Оддзов (лишь завистники называют нас по-плебейски «Доддзами»!) начинается еще в доисторическую эпоху – и, безусловно, только этим можно объяснить то прискорбнейшее обстоятельство, что ни одна из знаменитых британских летописей не говорит о нас ни слова. Однако безошибочный инстинкт подсказывает мне: в моих жилах течет древняя кровь потомка крестоносцев. И вот вам доказательство: даже сейчас, через столько веков, с моих уст совершенно естественным и непринужденным образом срывается благородный воинский клич «За дам!», и я рвусь вперед, как истинный рыцарь на приппоренном боевом коне, и сердце мое поет, и я готов встать на стремях, и размахнуться двуручной боевой секирой, и обрушить ее на боевой шлем противника, и расквасить ему, сукину сыну, рыло в кровь – так, как ему еще ни на одном турнире не доставалось... В общем, сами понимаете: мои предки, натурально, были не из простолюдинов.

Так что наше родовое жилище Стопгоп Грэндж – подлинный средневековый замок, рыцарская усадьба древнефеодалов времен (разумеется, если не врут издатели каталога, по которому я ее выбирал). И уж конечно, эта средневековая феодальность самым прямым образом отразилась на цене, довольно-таки кругленькой, – но честь дороже, а навеваемые данной постройкой чувства вообще никакими деньгами не измерить. Если бы вы только знали, как это успокаивает, когда поднимаешься по лестнице на второй этаж – и видишь меж лестничных ступеней особые бойницы, сквозь которые можно пускать в ворвавшихся на территорию твоего замка врагов меткие стрелы... А уж какое чувство безопасности дает осознание, что ты являешься счастливым обладателем хитроумного аппарата, который позволяет в любой момент вылить на голову незваного гостя порцию расплавленного свинца! Что и говорить: раз уж такие вещи мне по духу – я плачу за них, и дело с концом. Да, я очень ценю возможность кругового обстрела из внешних бойниц, горжусь седой громадой гранитного донжона, горжусь каждым зубцом на моей замковой стене, а как я горжусь подъемным мостом и опускающей решеткой – прямо-таки описать не могу!

К сожалению, в моей рыцарской усадьбе все же есть один маленький недостаток, и только он мешает мне полностью насладиться прелестями средневекового быта. Стопгоп Грэндж не оборудован даже заваливающим призраком.

Разумеется, любой человек с моими вкусами и представлениями о том, как должно быть организовано по-настоящему солидное дело, окажется разочарован таким положением вещей. Поскольку же речь шла не о каком-то «человеке с моими вкусами», а лично обо мне, это оказалось вдвойне обидно. Я ведь, помимо прочего, сизмальства являюсь твердым сторонником существования потустороннего мира, проштудировал чуть ли не все, что печаталось о сверхъестественных явлениях, – причем не просто из чувства долга, но с величайшим наслаждением! Один раз, помнится, в мои руки попала немецкая книга по демонологии,

которую мне никто не мог перевести – так что пришлось учить немецкий самому. И вдруг, когда я уже обзавелся родовым замком, такой афронт...

Должен сознаться, что этот злой рок преследует меня с самого нежного возраста. О, сколь подолгу просиживал я в самых темных углах отчего дома, тщась увидеть бестелесных чудовищ, о которых мне рассказывала нянюшка, – и за все время хоть бы одна зараза призрачная мимо прошмыгнула! Но теперь я давно не ребенок, а раз уж так получилось, что призрак для меня не роскошь, но насущная необходимость, то и решать эту проблему надлежит по-взрослому. А деньги, как известно, открывают любую дверь.

После внимательного изучения рекламного каталога я с сожалением вынужден был признать: с юридической точки зрения мне едва ли удастся вчинить продавцам иск за нарушение контракта. Но ведь есть же и моральные обязательства! Да, согласен, фраза «...на территории замка клиентам гарантируются тесные неосвещенные коридоры с заплесневелыми стенами» сама по себе не предполагает, что эти *помещения* населены соответствующими *обитателями*. И все-таки солидные фирмы не должны завлекать покупателей столь малодостойными методами. Это все равно что указать в описи имущества собачью конуру – а потом с невозмутимым видом заявить, будто этот пункт вовсе не означает наличие собаки как таковой.

Ладно бы эти покрытые разводами плесени обиталища оказались заселенными не полнотью: с этим я еще готов был смириться. Никто и не требует, чтобы все коридоры замка кишели бесплотными тенями. Но они оказались прямо-таки абсолютно пусты! А вот это уже, как хотите, невыносимая ситуация. Да все святые меня подери – чем же, спрашивается, занималось благородное семейство, населявшее Стопгоп Грэндж предшествующие века?! Да неужели ни один из них не обладал достаточным темпераментом, чтобы зарезать свою возлюбленную, отравить возлюбленного, ужокошить любовника супруги (на худой конец, любовницу супруга) – словом, предпринять действенные шаги для обзаведения фамильным призраком?! Что же они за люди были, эти феодалы?! Просто зла не хватает!

Долгое время я вопреки бьющей в глаза жестокой реальности все-таки сохранял надежду. Стоило крысе пискнуть на чердаке или водосточной трубе простонать под порывом ветра – как я покрывался холодным потом радостного предвкушения. Если это происходило после захода солнца, я отправлял на разведку миссис Д'Оддз (она, должен вам сказать, женщина с чрезвычайно острым чувством ко всему непознанному!), сам же, накрывшись с головой одеялом, в мистическом трепете ждал результата. Увы, все мои страхи были бесплодны! Всякий раз неизменно оказывалось, что таинственный звук объясняется совершенно естественными причинами, причем их вопиющая банальность не давала моей романтической душе ни единого шанса связать эти шумы с визитом привидения.

Может быть, в конце концов я и смирился бы со столь безрадостным состоянием дел – если бы не Джоррок. Ну, знаете – такой неотесанный, кряжистый верзила-фермер из Хэвисток. Не знаете? Да я и сам вообще-то знаком с ним чисто случайно – лишь потому, что его луга вплотную примыкают к моим родовым владениям. Так вот, вы не поверите: этот грубый заурядный обыватель, этот человек, абсолютно лишенный ощущения Древности и причастности к Сверхъестественному, является официальным обладателем нотариально заверенного призрака, которого он абсолютно недостоин! Единственное, что меня хоть как-то утешает, – сравнительная второсортность вышеназванного привидения: датируется оно, как утверждают авторитетные эксперты, всего лишь эпохой Георга II. Это юная девица, которая перерезала себе горло, получив известие о гибели своего возлюбленного в битве при Деттингене³. Однако даже эта захудалая гостья из загробного мира, несмотря на свой вопиющий

---

³ Сражение при Деттингене (1743) – один из эпизодов так называемой борьбы за австрийское наследство. Закончилось победой англичан. Эта битва знаменита даже не столько своим исходом, сколько тем, что являлась последним в истории

провинциализм, придает усадьбе Джоррока впечатление дополнительной респектабельности – особенно когда она со стопами слоняется по дому, оставляя за собой на полу кровавые пятна.

Анекдотичность ситуации состоит в том, что Джоррок совершенно не может оценить меру своего везения. Прямо-таки больно слышать, как он сетует на свою злосчастную судьбу. О, знал бы он, сколь страстно жажду я хоть малой толики тех загробных стенаний и воплей, которые еженощно сотрясают его жилище! Но, к сожалению, наши законы о недвижимой собственности еще недостаточно либеральны, чтобы признать за призраком право оставить то жилище, где его не привлекают, и переселиться к другому домовладельцу, способному оценить его по достоинству...

Должен сказать честно: я человек чрезвычайно настойчивый. Именно эта черта моей личности возвысила меня до того заслуженного положения, в коем я сейчас пребываю. И если уж так получилось, что Стопгоп Грэндж обладает неотъемлемым правом на призрак, однако даже высочайшие экстрасенсорные способности миссис Д'Оддз не позволяют его обнаружить, – значит, пойдем иным путем.

Из прочитанных книг мне было известно, что призраки формируются там, где случилось злодейское преступление. Но какое, когда – и главное, как сделать так, чтобы результат проявился именно на территории Стопгоп Грэндж? Было время, я лелеял безумную идею, будто Уоткинс (это мой дворецкий), прослужив в нашем фамильном замке несколько лет, столь проникся идеями феодальной преданности, что во имя высших целей согласится пожертвовать собой – или, возможно, кем-то другим. Я даже намекнул ему на это – правда, в полусутильной форме, – но эта шутка, кажется, не показалась ему удачной. Другие слуги, как выяснилось, в этом вопросе тоже разделяют скорее позицию Уоткинса, чем мою. Мало сказать, что ни один из них не оставил свой дух витать в темных коридорах Стопгоп Грэндж, а тело лежать на полу этих коридоров, но и хуже того: сразу после намека, оброненного дворецкому, несколько человек вместе со своими душами и телами немедленно были таковы.

Так что на следующий день, когда у нас состоялся разговор с миссис Д'Оддз, я пребывал в крайне скверном настроении.

– Дорогой, – сказала миссис Д'Оддз после обеда, когда я мрачно потягивал из бокала светлое канарское (люблю дорогие вина старых марок, но в тот момент даже оно не доставляло мне удовольствия). – Дорогой, у Джорроков новость: этой ночью их призрак опять стонал на весь дом.

– Ну и пусть себе стонет! – свирепо рявкнул я.

Миссис Д'Оддз взяла несколько аккордов на нашем фамильном клавесине и задумчиво уставилась на огонь камина.

– Я скажу вам, что мы должны сделать, Аргентэйн, – произнесла она после долгой паузы, использовав мое «домашнее» имя, которым мы, по взаимному согласию, заменили данное мне при рождении вульгарно-простонародное имя «Сайлас». – Мы должны выписать себе призрак из Лондона.

– Послушайте, Матильда, вы от рождения такая идиотка – или вас пришлось долго учить? – отозвался я в предельном раздражении. – Вы хоть от кого-нибудь вообще слышали, что призраков можно «выписать»?!

– От моего кузена, Джека Брокета, – невозмутимо ответила она.

Гм... Ох уж этот кузен! Джек Брокет – подлинная болячка, вечный повод для конфликтов между нами. Этакий хлыщеватый умник (из молодых, да ранних!), который с крайне сомнительным успехом опробовал свои таланты уже во множестве областей, но явно не собирался останавливаться на достигнутом. Сейчас он снимал в Лондоне меблированную

квартиру, она же одновременно являлась и конторой, в которой мистер Брокет значился «старшим агентом» – в действительности же, полагаю, кормило его главным образом собственное остроумие. Матильда искренне считала, что чем бо́льшая доля наших дел пройдет через руки Джека, тем меньше у нас окажется проблем и забот; но я сразу обратил внимание, что, даже будь от советов ее кузена хоть какой-то прок, все равно он не перевесит комиссионных, которые Брокет щедро удерживает в свою пользу. В результате самая мысль о том, чтобы обсуждать с этим юным джентльменом хоть сколько-нибудь серьезные вопросы, неизменно вызывала у меня внутренний протест.

– Вы уже могли убедиться в его способностях, – продолжала моя благоверная, увидев, как помрачнел я при одном только упоминании имени Джека. – Думаете, раздобыть призрак сложнее, чем проверить то дельце о геральдических знаках рода Д’Оддз?

– Это было вовсе не какое-то «дельце», дорогая, – возразил я, – а возвращение семейству давно и по праву принадлежащего ему герба! В высшей степени простой, законный и не требующий абсолютно никакого хитроумия вопрос. И для его решения отнюдь не требовалось хоть сколько-нибудь выдающихся способностей.

– Но оно сопровождалось и возвращением нам родовых портретов, дорогой! – улыбнулась супруга, сохраняя на лице прежнюю невозмутимость. – Вы должны признать, что Джек произвел очень тщательный отбор.

С этим и вправду не поспоришь. Я вспомнил длинную череду отмеченных безусловным фамильным сходством лиц, а также шлемов, плюмажей и брыжей разных эпох, красующихся на портретах, что целиком заполнили стены банкетного зала. Все Д’Оддзы, которых только знала история! От исполина-викинга в сверкающих латах до того мрачного типа в длинном пальто, который стоит у подножия креста, бережно поддерживая рыдающую Богоматерь. Да, охотно признаю: работа была проделана впечатляющая – и человек, выполнивший ее, пожалуй, сумеет раздобыть даже призрак. За такое не жалко выплатить и комиссионные, хотя тариф у Брокета, прямо скажем, безбожный.

Я придерживаюсь вот какого принципа: если решение принято, надо действовать сразу. Поэтому следующий полдень застал меня уже в Лондоне, на длинной винтовой лестнице, ведущей к апартаментам Джека. В этом доме много кто обитал, немудрено было и запутаться, но, к счастью, на каждом этаже прямо по штукатурке были процарапаны стрелки, и под каждой из них содержалось указание «к Джеку». Я говорю «к счастью», потому что спросить оказалось не у кого: весь дом словно вымер, даром что середина дня и вокруг сплошные конторы. Впрочем, еще чуть ли не от входа было слышно, как в одной из квартир кто-то лихо отплясывает, – и, зная родича Матильды, я не сомневался: эти звуки доносятся именно из его рабочего кабинета.

На стук долго никто не отвечал, но потом мне все же открыли. На пороге стоял какой-то совсем уж юнец (да, по сравнению с ним нетрудно быть *старшим* агентом!) – и у него глаза вылезли на лоб, когда он понял, что я вроде как клиент. Этот мальчишка препроводил меня в соседнюю комнату, к «старшему компаньону». Кузен моей жены, восседая за рабочим столом, сосредоточенно писал что-то в огромной конторской книге – правда, как я вскоре обнаружил, – держа ее вверх ногами.

Едва поздоровавшись, я тут же перешел к делу.

– Не буду ходить вокруг да около, Джек. Меня интересует... ну, некий дух.

– Такой вас устроит? – Джек, поняливо кивнув, опустил руку в корзину для бумаг и жестом фокусника достал оттуда початую бутылку. – Спиртной дух, *Spiritus vini* – да, его не скроешь... И не надо! Ваше здоровье!

Я сделал было протестующее движение, ибо никогда не пью столь рано. Но так уж вышло, что при этом движении моя ладонь натолкнулась на рюмку, уже протягиваемую мне Джеком, и пальцы сами собой охватили ее. Теперь, если бы кто-то случайно вошел, он мог

подумать, будто я изменил своим привычкам и готов распивать алкогольные напитки во время делового визита, да еще посреди дня. Чтобы не дать повода для таких подозрений, я немедленно выпил – и продолжил разговор.

– Нет, не этот дух. – Я улыбнулся. В конце концов, мой молодой родич не так уж и дурно воспитан, а эта его ошибка просто забавна. – Мне срочно требуется тот дух, который привидение. Иными словами – призрак.

– Призрак для Стопгоп Грэндж? – совершенно обыденным тоном поинтересовался Джек, словно я спрашивал его о новом комплекте мебели для гостиной.

– Именно!

– Нет ничего проще. – Брокет, невзирая на мой протест, снова наполнил обе рюмки. – Сейчас посмотрим. Где это у нас...

Он раскрыл толстенный блокнот в багряном переплете – и зашелестел страницами, поглядывая на алфавит.

– Призрак... «Призрак» же, я не ошибаюсь? Так... Перчатки, поддельные драгоценности, правила взлома дверей... гм... пуговицы... пулевое оружие... А-а, назад... Вот он! Призраки: том девять, раздел шесть, страница сто сорок один. Минутку...

Джек установил возле стены кабинета шаткую стремянку, ловко взобрался по ней и принялся рыться в справочниках, загромождавших книжную полку под самым потолком. Едва лишь он отвернулся, я испытал сильнейшее искушение опорожнить свою рюмку в плывательницу – но потом решил, что это едва ли прилично, и избавился от ее содержимого более традиционным способом.

– Нашел! – воскликнул мой лондонский родственничек, прыгнув со стремянки (она немедленно развалилась) и триумфально потрясая передо мной исполинским грессбухом. – У меня для таких случаев настоящая картотека заведена. Так, с призраком все в порядке – а со *Spiritus vini* не совсем, но это мы сейчас исправим...

Он в третий раз наполнил рюмки.

– М-м-м... Замечательно! Стало быть, что мы это тут искали?

– Призраков, – терпеливо повторил я.

– Да-да, их самых. Я же говорю, страница сто сорок один. Вот: «Дж. Г. Фоулер и сын, фирма на Данкел-стрит, контактеры и медиумы. Старинным почтенным родам предоставляется скидка, спецзаказы для аристократии – по особым тарифам. Любовные зелья, приворотные узы, свежие древнеегипетские мумии с доставкой на дом, гороскопы из материала клиента...» Пожалуй, не совсем то, да?

Я разочарованно покачал головой.

– Смотрим дальше. «Фредерик Табб, гарантирует эксклюзивный канал связи между миром живых и мертвых. Единоличный обладатель контакта с духом Джорджа Байрона, Кирка Уайта, Гримальди, Тома Крибба и Иниго Джоунса». Ого, вот это экземпляры!

– Не слишком впечатляет. Только представьте, какой призрак получится в результате этого «единоличного контакта» со всеми ними: мускулистый громила с буйной шевелюрой и байроническим взглядом, который все время крутит сальто, ходит по мраморному карнизу и одновременно восклицает: «О, что нас в грядущем ждет?» Бр-р-р... – Я осушил рюмку и в расстройстве чувств налил себе по новой. Джек проделал то же самое.

– А вот другой, к-кузен. «Кристофер Мак-Картти, ежед-двухнедельные сеансы, стопроцентный контакт со всеми 3-значимыми духами древности и современности. Поздравления усопших с днем рождения и... этим... юбилеем, рас-ши-фровка их от-ветных поздравлений...» Вот кто нам, кузен, поможет. Этот. Или другой. А-а, все равно! З-завтра я выйду на – тс-с-с! – на охоту за этими типами. Я их всех знаю, встречались. Мы. Уже. И я не я буду, родственник, если не сумею добыть вам за-ме-чательное привидение по с-сходн-ной цене.

Да! Считайте, что дело сделано! – Брокет с грохотом швырнул гроссбух в угол. – А теперь, э-э-э... А-а! Т-теперь мы можем спокойно в-воздать должное *Spiritus vini*...

Мы действительно воздали ему должное – причем настолько, что даже утром, в Стоп-гоп Грэндж, я испытывал некоторые затруднения, пытаясь объяснить миссис Д’Оддз, почему я, отходя ко сну, повесил ботинки на плечики, а костюм уложил в стойку для обуви. Боюсь, мне так и не удалось придумать правдоподобного объяснения. Но, воодушевленный разговором с Джеком Брокетом, я уже на следующий день, преодолевая остатки воздействия *Spiritus vini*, внимательно обследовал усадьбу, размышляя, где лучше поселить призрака, когда он наконец будет доставлен. Извилистые потемки средневековых коридоров и старинные комнаты с низкими сводами предоставляли для этого массу соблазнительных возможностей, но, всесторонне обдумав вопрос, я тем не менее выбрал банкетный зал.

У него тоже по-средневековому низкие своды, однако это все-таки обширное помещение. Кроме упоминавшихся ранее портретов, стены его украшены дорогими гобеленами, семейными реликвиями и рыцарским оружием, а расставленные повсюду доспехи так приятно мерцают зловещим светом, когда на их полированной поверхности отражаются языки огня, горящего в огромном камине! Да и ветер, прорываясь в щель под дверью, со зловещим шелестом колышет занавеси, придавая всему убранству неповторимые черты феодального уюта...

С одной стороны в зале расположено возвышение, там в славные рыцарские времена помещалась «господская» часть длинного стола – для хозяина замка и его благородных гостей. Ближе ко входу, где ранее устраивала свои простецкие пирушки челядь, слуги и прочие вассалы, уровень пола понижается. Миссис Д’Оддз собиралась постелить тут ковры – но я настоял, чтобы пол был укрыт только камышом, как повелось в древнюю славную эпоху, и продолжаю следить за этим. В моем родовом банкетном зале ничто не будет напоминать о девятнадцатом столетии! Ну, разве кроме столового серебра – набора солидных, массивных предметов, – но и они, пусть даже новые, были украшены мастерски реконструированным гербом Д’Оддзов. А уж тот факт, что это серебро располагалось на по-настоящему старинном столе рыцарских времен, окончательно приобщал его к веку феодализма. Так что, наверное, призраку здесь будет удобнее, чем где бы то ни было.

А теперь мне оставалось только ждать – и надеяться на деловые качества Джека...

Письмо от него пришло через несколько дней. Оно не извещало об уже достигнутом успехе, но при всем своем неряшливом виде (карандашные строки на обрывке старой афиши со следами жевательного табака) было, по крайней мере, обнадеживающим: «Напал на след. Сразу предупреждаю: от профессиональных медиумов толку оказалось мало, – но вчера в пабе я встретился с одним человечком, который вроде бы берется выполнить ваш заказ. Некто Абрахамс. Говорит, уже пару раз приходилось заниматься такой работой. Если вы не против, дам ему адрес – и он прибудет завтра же вечером. Д. Брокет».

Кроме этого, в письме было несколько строк, содержащих намеки, что, мол, недурно бы написать чек.

Вряд ли нужно уточнять, что я был мало сказать «не против» (в смысле – чтобы дать Абрахамсу адрес), но и ждал его прибытия с наипревеличайшим нетерпением. При всей вере в сверхъестественное мне трудно было допустить, что кто-либо из смертных мог иметь с обитателями иного мира деловые контакты, переселять их, обменивать на пригоршню земного золота... Однако письмо Джека – подтверждение тому, что такая торговля возможна. И вот вскоре ко мне прибудет некий джентльмен с библейской фамилией и подкрепит эту информацию твердыми доказательствами. Призрак Джоррока, этот заурядный выходец из восемнадцатого столетия в доме восемнадцатого столетия – какая пошлость! О, сколь ничтожен покажется он по сравнению с моим роскошным обитателем средневековых апартаментов...

Рассуждая так, я двинулся в обход своих владений – подобные обходы я совершаю ежевечерне – и вдруг... увидел своего призрака! Во всяком случае, так мне сначала показалось. Некая темная фигура стояла по ту сторону залитого водой рва, как раз напротив подъемного моста и опускной решетки – и пристально все это рассматривала. Но по тому, как вздрогнул этот незнакомец, обнаружив, что я за ним наблюдаю, и как поспешно он удалился, я понял: передо мной человек из плоти и крови. Скорее всего, это был ухажер какой-то из работающих в моем замке служанок, грустно замерший перед искусственным Геллеспонтом, отделившим его от предмета ухаживания. Но кем бы этот человек ни был – он больше не возвращался. Я, признаться, даже караулил какое-то время, рассчитывая застать его за нарушением границ моих владений.

Джек Брокет оказался хозяином своего слова. На следующий день, едва лишь Стоп-гоп Грэндж покрыла первая тень вечерних сумерек, внизу прозвенел звонок, возвещающий о прибытии мистера Абрахамса. Я поспешил ко входу, уже почти готовый увидеть широкий ассортимент призраков, теснящихся за спиной продавца. К сожалению, ничего подобного моим глазам не открылось, да и сам призракторговец выглядел как-то непривычно для своей профессии – ни мертвенной бледности, ни трагического взгляда глубоко запавших глаз... Наоборот, передо мной стоял этакий живчик, плотный невысокий крепыш, глаза его посверкивали очень даже бодро, а к лицу словно бы приклеилась жизнерадостная улыбка. Пожалуй, даже чересчур жизнерадостная. Что до прибывшего с ним багажа, то он состоял из одной лишь кожаной сумки, небольшой, но снабженной множеством застежек и даже завязок. Когда мистер Абрахамс поставил ее на каменные плиты пола, изнутри донесся металлический лязг.

– Таки как поживаете, сэ-э'г? – спросил продавец призраков, с чувством пожав мне руку и потрясая ее, словно терьер, схвативший крысу. – А миссус ваша, то есть хозяйюшка, как она таки поживает? А все ваши домашние, как они – не хво'гают?

Я заверил его, что все мы, как и следовало ожидать, в добром здравии, но тут мистер Абрахамс углядел в глубине прихожей миссис Д'Оддз и устремился к ней, на ходу повторяя вопросы о ее здоровье. Он был так многоречив и столь уморительно серьезен, что мне на миг даже показалось – наш гость вот-вот начнет измерять моей супруге пульс, а потом еще и язык попросит высунуть. При этом маленькие подвижные глазки торговца так и бегали по сторонам, осматривая убранство прихожей от пола и до потолка.

Наконец мистер Абрахамс окончательно убедился, что никто из нас не страдает опасной для жизни болезнью – и мне все-таки удалось увлечь его с собой наверх, на второй этаж, где был приготовлен ужин. Продавец призраков с удовольствием отдал должное трапезе, но даже при этом не расставался со своей загадочной сумкой. Наконец последняя перемена блюд была подана, слуги удалились, а чуть позже за ними отправилась и миссис Д'Оддз, оставив нас наедине, – и только тогда зашел разговор на интересующую меня тему.

– Я таки п'гедполагаю, – мистер Абрахамс закурил дешевую сигаретку, – что вам, сэ-э'г, нужна моя помощь в... в *заселении* этого жилища?

Я признал правильность его предположения. Торговец удовлетворенно кивнул. Его хитрые маленькие глазки тем временем цепко осматривали гостиную, как раньше – обстановку в прихожей.

– Ой, я вас уве'гяю: вы нашли ну самого что ни на есть нужного человека! Оно, может, и неск'гомно такое о себе гово'гить, но вот так все и есть. Знаете, что я ответил этому юноше – ну, тому, с кото'гым мы толковали в пабе «Х'гомая собака»? Он меня сп'гашивает: «А получится?» А я ему: «А вот испытайте! Меня и эту мою то'гбу! Испытайте – и сами все увидите!» Побожусь, сэ-э'г, ничего более ве'гного и сказать нельзя!

Я снова возрадовался тому, как верно поступил, обратившись к Джеку. Он действительно умеет проводить переговоры с медиумами!

– Уж не хотите ли вы сказать, мистер Абрахамс, что, э-э-э, товар у вас сейчас с собой – в этой вот торбе? – Я пытался говорить с иронией, но голос мой дрогнул в предвкушении ответа.

– О, не спешите, не спешите! – На лице продавца призраков появилась улыбка мудрого превосходства. – Все в свое в'гемя. П'гавильное место и п'гавильный час, сэ-э'г, а еще – немножко вот этого: глоточек *Lusoptolycus*, «настойки счастья». – Абрахамс достал из жилетного кармана крохотный флакон. – И тогда вот что я скажу: к вам явятся все п'гиз'гаки, кото'гые есть в моем распо'гяжении! А вы таки сможете самостоятельно выб'гать из них того, кото'гый вам больше всего по вкусу... Ну, скажете, это не 'госкошное п'гедложение, сэ-э'г?

Я не мог оспорить его вывод – хотя впечатление и несколько умерялось тем хитровато-настороженным взглядом, который бросил на меня торговец, пряча флакон назад.

– И когда мне надлежит это сделать?

– Без десяти час пополудни, – твердо произнес мистер Абрахамс. – Иные специалисты гово'гят – 'говно в полночь, но я скажу – нет! В полночь их соби'гаются такая толпа, сэ-э'г, что лучше не надо. А вот когда следующий час уже почти на исходе, но еще не закончился – самое замечательное в'гемя, чтобы выб'гать себе подходящее п'гиведение. Ну, к делу, хозяин! П'говедите меня по вашему замку и покажите, где именно вы хотите *его* видеть, когда *он* будет сюда... *поселен*. Хотя в таких делах я га'гантий не даю, уж увольте. Ой, если бы вы только знали, какие тут бывают тонкости! Есть некото'гые места, куда *они* подселяются охотно, да, а есть и такие, куда *их* нипочем не заманишь...

Мы прошлись по самым сокровенным участкам Стопгоп Грэндж. Мистер Абрахамс то хмурился, то удовлетворенно кивал, а один раз, указав пальцем на старинный гобелен, произнес: «Вот это самое то!» Но когда мы дошли до банкетного зала – продавец, еще не зная, что я и сам выбрал это место, пришел в величайшее восхищение. «Тут! – кричал он в приступе энтузиазма, потрясая своей сумкой, тыча пальцем то в стены, то в сторону моей гербовой посуды, торжественно расставленной на господской части стола. – Вот тут мы все и уст'гоим! Отличное местечко, замечательное, лучше и быть не может! Ста'гинная комната, и вещи отличные – настоящий благо'годный металл, а не новомодная е'гунда, подделки гальванопластические! Это очень важно для *них*, сэ-э'г: *они* такие 'газбо'гчивые... Но этот зал, вы знаете, он таки большой: сюда может столько *их* понабиться – не дай Господь! Поэтому вот что мы сделаем: распо'гядитесь подать сюда бутылочку б'генди и ко'гобку сига'гет – а я останусь тут, до полуночи и после. Буду, это, осуществлять п'гедва'гительный отбо'г. Чтоб вы знали, это та еще задачка – мало не покажется... Когда *они* заявятся сюда всей толпой, да еще узнают, что кому-то из *них* не суждено отсюда выйти, – я вас уве'гяю, тут найдутся такие, что таки поднимут гвалт! Да, я обещал показать вам их без десяти час – и оно будет; но все же, хозяин, лучше вам, того, обождать в д'гугой комнате. А сюда поднимайтесь не раньше половины пе'гвого. Потому как если они вас тут застанут в полночь – ой-вэй, мне п'гямо-таки больно подумать о том, что от вас останется! А за полчаса я *их* немного обуздаю, да; *они* будут уже более-менее готовенькие...

Эти соображения мне показались вполне разумными. Так что вскоре я снабдил мистера Абрахамса требуемыми ингредиентами и удалился. Оглянувшись на пороге, я увидел, что торговец уютно разместился в кресле у огня, положил ноги на каминную плиту, и уже начал принимать транквилизаторы, необходимые ему, дабы с бóльшим успехом противостоять полчищам потусторонних гостей.

Мы с миссис Д'Оддз расположились в комнате этажом ниже. Через некоторое время я услышал, что Абрахамс поднялся со своего места и быстрой походкой пересек зал. Потом он, судя по звукам, сдвинул что-то из мебели, стоящей у окна, и, наверное, встал на это что-то, стараясь дотянуться до щеколды: через несколько секунд до моих ушей донесся скрип

открываемого ставня – а он располагался выше, чем по силам достать такому коротышке, как продавец призраков. Миссис Д’Оддз потом утверждала, что ей удалось расслышать его голос – хриплый, торопливый шепот, но, возможно, это была только игра воображения. Что касается меня, то я действительно был взволнован – даже больше, чем полагал возможным ранее. Поистине, есть что-то тревожное в образе человека, простого смертного, который стоит перед распахнутым окном, напряженно вглядываясь во тьму, и призывает обитателей иного мира, неупокоенных духов. Украдкой от Матильды я взглянул на часы – и содрогнулся: стрелки показывали половину первого ночи. Настало время, когда мне надлежит выйти на встречу с призраками, разделив с мистером Абрахамсом его ночную вахту.

Он сидел так же, как я его оставил, – разве что на лице уже успели проявиться следы транквилизаторов. Никаких признаков тех загадочных перемещений в зале не было видно вообще, словно они нам почудились.

– Ну как, у вас все в порядке? – спросил я после того, как перевел дыхание и убедился, что мы здесь одни.

– О да, сэр, но именно сейчас, чтобы успешно завершить операцию, мне необходима ваша помощь, – торжественно произнес мистер Абрахамс. – Сядьте рядом со мной, примите несколько капель *Lucoptolycus* – и с очей ваших спадет пелена обыденности, препятствующая Истинному Зрению. Однако, что бы вы ни увидели – продолжайте сидеть недвижно и в полном молчании, дабы не нарушить магический ритм!

Передо мной словно был совершенно другой человек: прежняя вульгарность манер исчезла бесследно, а речь и жесты обрели величавую повелительность. Не помня себя, я повиновался всем его указаниям – и с трепетом ожидал результатов.

Несколькими быстрыми взмахами рук мой напарник очистил вокруг нас пол, расшвыряв по сторонам стебли камыша. Пав на колени, он достал откуда-то кусок мела и очертил на каменных плитах полукруг – так, что с одной стороны нас ограждала эта черта, а с другой, за нашими спинами, открывался зев камина. Затем Абрахамс тем же мелом начертил внутри полукруга несколько иероглифов – на мой непросвещенный взгляд, чем-то похожих на знаки Зодиака. После чего выпрямился во весь рост и странным голосом произнес в пустоту какое-то обращение, прозвучавшее столь быстро, точно это было одно слово – неизвестное слово на загадочном гортанном языке. Потом в руке у него появилась небольшая склянка, к которой он поднес уже знакомый мне флакон и налил из него пару чайных ложечек абсолютно прозрачной жидкости. И вручил все это мне.

Какое-то мгновение, прежде чем поднести склянку к губам, я колебался, но, повинувшись решительному жесту продавца призраков, выпил. Вкус жидкости не был неприятен. Я ожидал, что нечто откроется моему взгляду сразу, тотчас же, но этого не произошло. Тогда я осторожно сел и начал всматриваться в темноту перед собой.

Абрахамс опустился в кресло рядом. Я заметил, что время от времени он поглядывает мне в лицо – и сразу же после этого произносит очередную фразу на непонятном языке.

Вдруг тело мое охватила сладкая истома. Могло показаться, что причиной тому было тепло, исходящее от камина; но, безусловно, имелась и другая причина, не столь обыденная. Веки будто налились свинцом, в то время как мозг продолжал работать с восхитительной быстротой и легкостью, ежесекундно обдумывая сотню гениальных идей разом. Замерев, словно в летаргии, я как бы со стороны видел, что сидящий рядом человек тянется ко мне, кладет мне ладонь на грудь против сердца – однако не воспротивился этому, даже не спросил, что он делает. Все предметы, находившиеся в зале, закружились вокруг меня в медленном танце. Огромные лосиные рога на дальней стене величаво покачивались, а подносы вовсю отплясывали котильон с ведерком для льда и цветочной вазой. Мой подбородок коснулся груди, я уже ничего не чувствовал, уже был почти без сознания – и вдруг словно воспрянул ото сна: в дальнем конце зала открылась дверь.

Я уже упоминал, что с «господской» стороны зала устроено возвышение, предназначенное для хозяев замка? Так вот, как раз на той стороне дверь и открылась. Я сидел, замерев, до боли в пальцах сжимая подлокотники кресла, а створка медленно колебалась туда-сюда на поскрипывающих петлях, пока бесформенная, бесплотная темнота струилась сквозь дверной проем. А потом эта мгла сгустилась: она продолжала оставаться бесплотной, однако теперь передо мною было уже не *ничто*, но *нечто*. Струя мрака перетекла через порог – и ледяной хлад потянулся от нее, пронизывая до костей, заставляя цепенеть сердце. Потом темнота заговорила. Голос ее был подобен дальним вздохам мистраля, колышущего вершины сосен на пустынном морском побережье:

– Я – незримый пришелец из немыслимого небытия. Обладаю всеми свойствами, присущими обитателям тонкого мира, включая свойства электрические, магнитные и спиритуалистские. Издаю громкие вздохи, полные ледящей тоски и сопровождающиеся значительными колебаниями эфира. Умерщвляю собак. Смертный, ты выбираешь меня?

Я собирался ответить хоть что-то, но слова, казалось, застряли в гортани; и прежде чем я смог овладеть собой, бесплотный пришелец, грустно покачав темнотой, протек через зал и исчез во мраке у противоположной стены, напоследок издав вздох – действительно очень громкий, тоскливый и, надо полагать, сопровождавшийся колебаниями мирового эфира.

Снова переведя глаза на дверь, я с удивлением заметил крохотную старушонку, шустро хромавшую по залу. Она, словно красуясь, несколько раз продефилировала передо мной, а затем присела на самом краю круга. Тут свет упал на ее лицо – и оно, должен сказать, было столь ужасно, что не изгладится в моей памяти до гробовой доски. Наверное, все грязные страсти, сколько их есть в нашем грешном мире, все до единого пороки оставили на этой физиономии по язве.

– Ха-ха-ха! – зловеще проклекотала она и потянулась ко мне скрюченными руками, подобными лапам давно издохшей птицы. – Видишь, какова я? Мое имя – леди Жуть! Показываюсь в коридорах, облаченная в шелка цвета гнили, щедро раздаю успешные проклятия. О, как меня любил сам сэр Вальтер!⁴ Я буду твоей, смертный?

В ужасе я постарался отрицательно качнуть головой – и, видимо, это мне удалось. Яростно оскалившись, страшная старуха замахнулась на меня своей клюкой, но удар не достиг цели, а сама леди Жуть с жутким воплем бесследно развеялась.

Я тут же посмотрел в сторону двери. Меня бы очень удивило, не покажись оттуда очередной пришелец; но он, разумеется, уже показался – рослый мужчина благородной внешности, в широком одеянии из желтого атласа. Лицо его было полностью покрыто смертельной бледностью и наполовину – темными прядями ниспадающих волос. Когда он повернулся, стало видно, что его длинные локоны свисают ниже плеч. Бородка у призрака, напротив, была очень короткой, аккуратно подстриженной – она резко выделялась на фоне широкого белого жабо.

Величавым шагом новый гость приблизился к меловой черте, учтиво поклонился и заговорил. Голос у него был под стать внешности и манерам:

– Я – достоправный кавалер. Многих заколол, но и сам был заколот. Вот этой самой рапирой – видите ее, мой друг? Она так и осталась торчать в моей пронзенной груди... Звеню сталью, произвожу неотразимое впечатление кровавым пятном на камзоле, как раз супротив пронзенного сердца (о, сколь эффектно выглядит красное на желтом!). Также издаю протяжные стоны. Имею рекомендации от множества достойных семейств, исповедующих верность старым традициям. Кроме того, имею большой опыт работы основным, исходным призраком в уважаемых замках. Впрочем, согласен и на участие в групповом выходе, осо-

---

⁴ Намек на некоторые романы Вальтера Скотта.

бенно если группа состоит из миловидных юниц. Необходимое условие: они должны визжать как следует, не за страх, а за ужас!

Он поклонился с прежней учтивостью, явно не сомневаясь в моем положительном ответе, но оцепенение, еще не исчезнувшее после визита жуткой леди, помешало мне вовремя подать знак. Сделав реверанс и взглянув на меня с упреком, кавалер исчез.

Тут же меня накрыло волной ознобной дрожи, и еще не увидев нового посетителя, я твердо знал: он – воплощенный кошмар. Или не воплощенный: рост его был изменчив, очертания колебались, и вообще он оказывался то хорошо различим, то совсем нет. На вид он был, как эхо на слух. Дрожащим, прерывистым голосом невоплощенный кошмар прошептал:

– Оставляю в коридорах следы босых ног, сгустки запекшейся крови и свежие кровавые потоки. Гарантирую таинственный звук шагов, а также прочие загадочные шумы, равно как и зловещие. Обо мне писал сам Чарльз Диккенс, да-да! Касаюсь клиентов холодными невидимыми пальцами. Вырываю из рук письма. Веселюсь. Смеюсь и хихикаю. Иногда прямо-таки раздражаюсь неудержимыми приступами отвратительного хохота. А можно, я прямо сейчас разражусь неудержимым приступом отвратительного хохота?

Я почти успел сказать «нет», но вот тут-то он и разразился. Еще прежде, чем мне удалось справиться с отвращением, на очереди был уже следующий кандидат.

Он вошел шагом быстрым, упругим, но при этом и крадущимся. Дочерна загорелый тип могучего телосложения, в широком шейном платке, повязанном на испанский манер (по-моему, поверх петли) и с серьгами в ушах. Взор его был потуплен, а весь облик излучал невыразимое раскаяние. Метался он по залу, как тигр по клетке, сжимая в одной руке длинный нож, а в другой – клочок пергамента. Наконец заговорил глубоким и звучным голосом:

– Я убийца. Головорез. Презираю. Видите, как меня на ходу корежит от ненависти к самому себе? Вместе с тем подкрадываюсь бесшумно: так и не разучился. Знаю все тайны Карибского моря. По первому требованию заказчика объясняю, как найти пиратский клад, по второму требованию – предоставляю в его распоряжение карту. Согласен на работу не только под крышей, но и на свежем воздухе – скажем, в парке. Необходимость длительных прогулок не пугает. Принимаете?

Он умоляюще посмотрел на меня – но я не мог ответить, ибо в очередной раз закаменел от ужаса, глядя на то, что появилось из-за двери.

Это был очень высокий и тощий человек – если, конечно, его можно назвать человеком: сквозь лохмотья истлевшей плоти проступали пожелтевшие кости, очень эффектно выглядевшие на свинцово-сером фоне остатков кожи. Тело его было укутано в рваный саван, и складки этого же савана образовывали капюшон, скрывающий голову; лишь глаза сверкали из-под него багряными угольками – страшные, лишенные век. Чудовищное создание придвинулось вплотную к меловой черте, и я, подавшись назад, чуть ли не втиснулся в камин. Безгубые уста разомкнулись, я увидел двойной ряд почерневших зубов, острых, как клыки, а в глубине рта – иссохший, свернувшийся в трубочку язык. Потом я услышал голос, словно просачивающийся сквозь два ярда могильной земли:

– Я – американский ужас, летящий на крыльях ночи. Только я. Остальные – подделки. Остерегайтесь. Я – воплощение inferнальных грез Эдгара Аллана По. Исключительно, несравненно ужасен. Подчиняю своей воле более низкоорганизованных призраков. Кровь моя, плоть моя, мои кости – все как на витрине, к услугам заказчика. Особая программа: ужас и омерзение, два по цене одного. Никаких дешевых фокусов с применением спецсредств: к услугам серьезных клиентов – профессиональный уровень работы с погребальными пеленами, самоподнимающаяся крышка гроба, прелести гальванизации. Эксклюзивная услуга: поседей за одну ночь!

Это протянуло ко мне костлявые руки – однако я нашел в себе силы сделать отрицательный жест. И оно сгнуло с глаз, оставив за собой терпкий, тошнотворный запах распада. Я кое-как смог вернуться на прежнее место, уже практически уверенный, что, наверное, не так уж и плохо жить вообще без призрака. Но, как выяснилось, мое испытание еще не было завершено...

Сначала я услышал шорох одежды – и только потом увидел хрупкую фигурку в белом платье со шлейфом, волочащемся по полу. Когда она приблизилась достаточно, чтобы в свете камина можно было разглядеть подробности, я понял, что передо мной девушка, юная и прекрасная. Все в ее облике напоминало об обворожительных леди из прошлых, лучших времен. Она горестно заламывала пальцы, а на лице ее, бледном и гордом, застыла печать обманутых чувств и неизбежного страдания. Нежно шелестя своим одеянием – звук этот был подобен шепоту осенних листьев, – гостья подошла к границе круга и устремила на меня неимоверно печальный взгляд несказанно прелестных глаз.

– Я несчастна, сентиментальна, очаровательна – и именно поэтому стала жертвой злодейски скверного обращения. Я была брошена и предана. Скорбно рыдаю в ночной тиши, тенью скольжу вдоль неосвещенных проходов. Происхожу из древнего, знатного, аристократического рода – о я несчастная! Обладаю утонченным вкусом: обстановка этого зала (о, какая прелесть: мореный дуб!) мне подходит, особенно если вот тут или вон там добавить еще немножко доспехов, а здесь, здесь, здесь, здесь и здесь – побольше гобеленов. О, неужели вы меня не возьмете?

Голос ее оборвался на чрезвычайно драматической ноте; призрачная леди простерла ко мне руки, будто умоляя о помощи. Я никогда не умел отказывать дамам. Да и по здравому размышлению: устоит ли жалкий призрак Джоррока перед такой конкуренцией? Уж джоррокова-то девица – точно не леди из высшего общества! Если я, так вышло, не сумел остановить выбор ни на одном из прошлых гостей – то стоит ли рисковать дальше? Ведь, чего доброго, может снова явиться пришелец вроде того, американского, а тут и до разрыва сердца недалеко!

Призрачная леди, по-видимому, предчувствуя мое решение, послала мне чарующую улыбку. И у меня исчезли последние сомнения.

– Да будет так, дамочка! – воскликнул я, вскочив с кресла, и, ни о чем больше не думая, в приступе восторга перешагнул меловую черту. – Я выбираю тебя!

– Аргентэйн! Вставай!! Нас ограбили!!!

Я никак не мог понять, отчего мелодичный голос леди-призрака сменился чьим-то истошным воплем, от меня ускользал смысл этих слов, они звучали как мелодия колыбельной: «Ограбили... грабили... били... или...» Но тут кто-то схватил меня за плечо и потряс мотушкой дланью. Пришлось открывать глаза.

Вид миссис Д'Оддз, минимально одетой и максимально разъяренной, живо воскресил в моей памяти ужаснейшие моменты сегодняшней ночи. Но когда я окончательно вернулся к прозе жизни, выяснилось, что в моей руке зажата пустая склянка, сам же я лежу на полу, чуть ли не уткнувшись головой в угасший камин.

Я встал, но не удержался на ватных, подгибающихся ногах и едва сумел добраться до кресла. Однако непрекращающиеся вопли Матильды постепенно разгоняли туман, окутывающий мое сознание. Вот дверь, через которую один за другим входили мои ночные визитеры из иного мира; вот меловой круг; вот иероглифы; вот пустая коробка от одного из *транквилизаторов*, которыми пользовался мистер Абрахамс, и не менее пустая бутылка от другого; но где же он сам – этот охотник за привидениями? И почему Матильда в рассветных сумерках стоит у настежь распахнутого окна, воя даже не как призрак, а как паровозная сирена? Почему окно вообще распахнуто, что за веревка свисает из него? И где... ЧТО?! Где наше

фамильное серебро, эта гербовая посуда – ценнейшее достояние Стопгоп Грэндж, предмет гордости всех Д’Оддзов настоящего и грядущего?!

Увы, далеко не сразу мой помутненный разум сумел связать воедино все увиденное и услышанное...

Дорогие читатели, надо ли уточнять, что, к моему величайшему сожалению, никогда я их больше не видел: ни того, кто представился «мистером Абрахамсом», ни украшенной гербами Д’Оддзов серебряной посуды. Но даже это полбеды. Куда грустнее, что никогда мне больше не довелось увидеть тот последний призрак: несчастную леди в белом платье...

И вряд ли мне когда-либо суждено с ней встретиться. Признаюсь честно: история, происшедшая той ночью, фактически излечила меня от стремлений наладить связь с потусторонним миром. Так что я без сопротивления согласился переехать в скучный, прозаический дом современной постройки на тихой окраине одного из лондонских предместий – на который, оказывается, моя супруга давно уже положила глаз...

Что же именно произошло той ночью – по-прежнему открытый вопрос. У полиции, разумеется, нашлось свое объяснение: приметы «Абрахамса» практически совпадают с описанием человека, который в Скотленд-Ярде известен как некий Уилсон по кличке «Отмычка», он же «взломщик из Ноттингема». У сыщиков исчезли последние сомнения, когда день спустя в округе Стопгоп Грэндж была найдена та кожаная сумка, которая сразу бросилась мне в глаза: внутри нее, как оказалось, содержался широкий ассортимент воровских фомок, коловоротов, зубил и, конечно, отмычек. А по обе стороны замкового рва обнаружились следы, глубоко отпечатавшиеся в грязи: разумеется, у Уилсона был сообщник, который без особого труда проник на территорию моих феодальных владений, принял спущенный на веревке мешок со столовым серебром – после чего оба мошенника были таковы.

По всей видимости, эта парочка негодяев как раз обдумывала очередное ограбление – и тут, на их счастье и мое несчастье, прослышала о планах, реализацию которых я поручил Брокету. Надо полагать, Джек во время своих поисков чересчур неосторожно трепал языком...

Однако как быть с представителями загробного мира, которые в ту ночь удостоили меня столь зримого посещения? Должен ли я отнести и эти визиты на счет криминального искусства ноттингемского разбойника (тоже мне, Робин Гуд!)? И если даже так – каким все же образом воровские навыки «Отмычки» предоставили ему власть над тайнами оккультной сферы?

Долгое время я был полон сомнений и, стремясь их развеять, приложил массу усилий, чтобы получить вердикт от кого-нибудь из уважаемых специалистов. И вот наконец такой ответ мне пришел. Автор его – авторитетный эксперт в области фармакопеи, доктор медицинских наук, которому я послал склянку с остатком содержимого *Lucoptolycus*.

У меня нет слов. Пусть уж лучше читатели узнают обо всем непосредственно из письма этого ученого мужа:

Аргентэйну Д’Оддзу, эсквайру.

Улица Вязов

Брикстон

Дорогой сэр! Ваш исключительно необычный случай пробудил во мне сильнейший научный интерес. Результаты анализов показывают, что в присланном Вами сосуде содержался концентрированный хлораль гидрат⁵, и если Вы действительно приняли внутрь ту дозу, что следует

---

⁵ Успокоительное средство, в большой концентрации использовавшееся и как снотворное. Однако предшествующие описания заставляют усомниться, что главный герой принял действительно хлораль гидрат: эта микстура обладает резким

из Вашего описания, то она должна соответствовать эквиваленту порядка восьмидесяти гран. Этого вполне достаточно, чтобы очень быстро погрузить человека в полусон, плавно переходящий в глубокое оцепенение. На первой стадии прием такого количества хлораль гидрата достаточно часто сопровождается галлюцинациями, порой весьма причудливыми – особенно у индивидуумов, ранее не подвергавшихся наркозу. В сопроводительном письме Вы сообщаете, что круг Вашего чтения включал преимущественно литературу по оккультизму; также там указано, что Ваш интерес к вопросам посмертного существования приобрел, по существу, болезненный характер. Вдобавок следует помнить, что Вы пребывали в состоянии крайнего возбуждения, причем Ваше сознание было искусно подготовлено к тому, что именно Вам сейчас предстоит увидеть.

При подобных обстоятельствах меня как специалиста отнюдь не удивляет характер испытанных Вами видений. Скорее наоборот: крайне маловероятно, что Вы могли испытать видения хоть сколько-нибудь иного характера.

С искренним уважением,

Т. Э. Штубе, доктор медицины.

Камышовая улица

Забияка из Броукс-Корта

Был 1878 год, и в окрестностях Лутона проходили учения конных добровольцев южных графств Центральной Англии. Но не возможность европейской войны тревожила в то лето большой кавалерийский лагерь – всех беспокоило лишь одно: найдется ли в королевстве человек, который выстоит десять раундов против Громилы Бэртона, девяностокилограммового сержанта ветеринарной службы? Легкая оплеуха Громилы опрокидывала наземь даже самого крепкого парня. Многим не нравилось, что Бэртон надулся спесью и заважничал через меру, и было решено отыскать ему достойного соперника. Для этой цели в Лондон направили капитана и баронета Фредерика Мильберна, который должен был пригласить кого-нибудь из прославленных боксеров, чтобы тот укоротил хвост чванливому ветеринару.

Надобно заметить, что бокс тогда как раз переживал трудные времена. Старинные традиции кулачных поединков остались в прошлом; ну а бои, разрешенные законом, проводимые в перчатках и в специальных помещениях, были на тот момент делом будущего. И потому кулачные бои происходили обычно в странном, самодельном виде. Контролировать их властям не удавалось, но и запретить было нельзя, так как именно бокс – любимое развлечение каждого обычного британца. Толпы корыстолюбивых подонков, клубящиеся вокруг ринга, компрометировали собой честных, геройски смелых на ринге и скромных в жизни спортсменов. Однако посещать нелегальные бои стало попросту опасно: честный зритель – истинный почитатель бокса – за желание увидеть бой настоящих мастеров мог поплатиться кошельком, здоровьем, а то и самой жизнью. В результате основную массу зрителей составляли те, кому и на жизнь, и на кошелек было наплевать.

Итак, боксерские встречи проводились в самых неподходящих для этого местах – в конюшнях, амбарах; порой случалось, что устроители отправлялись для этого во Францию или тайком съезжались в какое-нибудь глухое местечко за городом... Всюду процветали всевозможные эксперименты и нарушения правил. Дegrадировали не только условия поединков, но и сами боксеры: ушло время честных, рыцарских боев, и побеждал обычно всякий, кто тем или иным способом мог расположить к себе околоспортивный сброд. Впрочем, на американском континенте уже обозначилась мощная фигура Джона Лоуренса Салливана – будущего чемпиона обоих типов бокса: и нового, и старинного, без перчаток.

Из всего сказанного вы догадываетесь, что баронет сэр Фредерик, даже при своей пылкой любви к спорту, отнюдь не сразу нашел человека, который мог бы гарантированно осадить Громилу Бэртона. Чересчур уж много пришлось бы выложить за тяжеловеса, ведь они-то в основном и ценились тогда. После долгих поисков в боксерских салунах и в пабах, где засиживались приверженцы бокса, сэр Фредерик решил выбрать Альфа Стивенса – молодого боксера из Кентиш-тауна, выступающего в средней весовой категории, ни разу до той поры не проигравшего и близкого уже к званию чемпиона. Разница в весе между ним и Громилой была существенной, однако ее могли компенсировать профессиональные боксерские навыки. Рассудив так, баронет нанял Стивенса, пообещав доставить его в кавалерийский лагерь на своей одноколке. Решено было отправиться с вечера и по дороге заночевать в Сент-Олбенсе, чтобы будущим же днем приехать в лагерь.

Место встречи было у гостиницы «Золотой крест», и, когда Стивенс появился, грум по имени Бейтс держал под уздцы мышастых лошадей, пританцовывающих в нетерпении. Боксер, крепкий юноша с телом, будто выкованным из железа, занял место в экипаже подле баронета и попрощался с группкой своих собратьев – простоватых с виду парней в куртках грубых и широченных. «Пусть тебе повезет, Альф!» – хрипло и слитно рявкнули они, и грум, оставив лошадей, вскочил на запятки. Одноколка миновала поворот и выкатила на Трафальгарскую площадь.

Сэр Фредерик первое время был занят поисками дороги в столпотворении на Оксфорд-стрит и Эджвер-роуд и оттого не обращал внимания на спутника, сидящего рядом, покуда не начались предместья за районом Хендона. За кирпичными домами последовали заборы, и баронет, ослабив поводья, внимательно и с нескрываемым интересом глянул на Стивенса. Для такого интереса были причины: он искал своего наемника сложным и обходным путем – через переписку, по доверительной рекомендации. Даже в сумерках сэру Фредерику удалось понять, что выбор его был не напрасен. Стивенс выглядел истинным боксером – мощная грудь и широкие плечи, выдающее породу бледное удлиненное лицо; глубоко сидящие глаза, в которых блистала отвага и непреклонность. Однако важнее всего, что Альфа до сих пор никто не побеждал на ринге, и уверенность, теряющаяся вслед за первым же поражением, хранилась в нем неизменной. Баронет усмехнулся, представив, какой замечательный сюрприз он доставит завтра Громиле Бэртону.

– Вы, кажется, сейчас в хорошей форме, а, Стивенс? – задал он вопрос своему спутнику.

– Да, сэр, так и есть – буду биться не на шутку.

– А вид ваш, между прочим, действительно впечатляет.

– Я держу себя в рамках жесткого режима, сэр. Чтобы драться с Майком Коннором в прошлую субботу, мне надо было сбросить вес до семидесяти килограммов. Я выиграл тот бой, получил призовые деньги и теперь нахожусь в отличной форме.

– Что ж, поздравляю с удачей, но нынче вы должны постараться на славу: соперник будет тяжелее вас на двадцать килограммов и выше на десяток сантиметров.

Боксер ответил с улыбкой:

– Со мной на ринг выходили, сэр, парни и с большими преимуществами.

– Я знаю об этом. Но наш парень очень напорист и агрессивен.

– Понимаю, сэр. Буду выкладываться по полной.

Стивенс говорил твердо и сдержанно, что пришлось по вкусу баронету. И вдруг сэр Фредерик рассмеялся.

– О боже мой! Я как раз подумал: что, если по пути нам сейчас встретится Забияка? Занимательная будет история...

– О ком вы, сэр?

– Я и сам бы не прочь узнать. Иные говорят, что встречали его, иные – что все это байки... Однако, кажется, он существует на самом деле, ибо следы от его каменных кулаков на физиономиях бедняг, имевших несчастье с ним встретиться, красноречивее всех свидетельств.

– Но живет-то он где?

– Как говорят, именно в этой местности, рядом с дорогой около Финчли и Эльстри. Он выходит при полнолунии со своим товарищем – и от всех, кого встречает, требует, чтобы дрались с ним по старинным правилам. Приятель при нем вроде секунданта. Ну а сам-то он бьется крепче любого бойца. Случалось, находят поутру несчастного проезжего с лицом всмятку – это работа Забияки!

Альф Стивенс бодро заметил:

– Ну что же, сэр, я давно мечтал о драке по-старинному, без перчаток, но все как-то не доводилось в ней поучаствовать.

– Вас, значит, не испугал рассказ о Забияке?

– Меня? Испугал? Я хоть сейчас бы в путь – и десять миль пешком, лишь бы встретить этого парня!

– Да, поединок был бы на славу! Сегодня, кстати, полнолуние, а на дорогу он выходит где-то примерно здесь.

– Если это правда все, что вы рассказали, – возразил Стивенс, – наверняка мы, боксеры, о нем бы знали. Или он не профессионал и творит эти штуки просто так, для забавы?

– Вообще-то есть мнение, что он работает конюхом или объездчиком в скаковых конюшнях здесь, поблизости. Ну а там, где лошади, и боксу найдется место. Если вся эта история не выдумки, то в этом парке, где мы сейчас проезжаем, и впрямь происходит... Эй! Черт поberi, осторожнее! – Низкий голос сэра Фредерика вдруг сорвался на фальцет.

Дорога круто спускалась в ложину, где тень бросали кроны деревьев – при свете луны это походило на въезд в туннель. Внизу в ложине, слева и справа от дороги, высилась пара столбов, бурых от лишайника и ржавчины. Геральдические знаки на них теперь стали неразличимы, превратились в подобие каменных морщин. Чугунные ворота, прежде живописные, повисли криво на заржавевших петлях – что говорило о прежнем благоденствии и о теперешнем упадке поместья Броукасов, виднеющегося в дальнем конце аллеи, которую уже почти заглушила сорная трава. И вдруг из этих древних ворот выбежала на дорогу тень, высокорослая и стремительная, поймала под уздцы лошадей, взвившихся от неожиданности на дыбы.

– Держи лошадок, Роу! – грубо заорал нападающий. – Хочу потолковать по душам с этим щеголем, куда он от нас не умчался прочь.

Второй человек появился из-под сени деревьев и, не говоря ни слова, принял у него поводья – приземистый, широкоплечий, он был одет в диковинный плащ до колен, какого-то бурого цвета, а на ногах сапоги и гетры. Шляпы на нем не было, только черный шарф вокруг шеи. Фонари одноколки осветили мрачную багровую физиономию – толстогубую, с гладко выбритым подбородком. Его приятель-верзила, едва отдав ему поводья, тотчас же очутился рядом с экипажем, и здоровенная жилистая рука легла на крыло. Злобные сине-стальные глаза вперились в Стивенса и баронета. Плотная надвинутая шляпа затеняла лицо, и все же были ясно видны свирепые, жестоко-непреклонные, жуткие черты. Расплющенный нос и шрамы свидетельствовали о том, что этот человек никогда не молил о пощаде и, вероятно, никого не щадил сам. Не молод и не стар – но ясно, что суровая жизнь успела оставить на нем свой жестокий след.

Взгляд, холодно-оценивающий, остановился сперва на баронете, затем на молодом человеке, сидящем рядом.

– Верно, Роу, я говорил тебе, что этот щеголь ни к черту не годен, – сказал незнакомец своему другу, не оборачиваясь. – Ты лучше глянь на вон того малого – он сойдет. Очень смахивает на боксера. Ну, вот мы и узнаем, годится ли он на что.

– Послушай, как тебя там... – возразил баронет. – Ты, как я вижу, редкий нахал! Гляди, схлопочешь кнутом по роже!

– Потихе-ка, приятель! Лучше помалкивай, чтобы меня не разозлить.

– Это я уже зол: я, парень, немало слышал о твоих манерах! – вскричал баронет разъяренно. – Сейчас узнаешь, как преграждать дорогу офицеру королевской армии! На этот раз ты просчитался, будь уверен.

– Это еще бабушка надвое сказала, – ответил незнакомец. – Наверняка, приятель, мы в чем-нибудь да уверимся, прежде чем разойтись, ну а покамест один из вас встанет и покажет нам, хорошо ли он машет кулаками, – иначе никуда вы не поедете.

Не промедлив и секунды, Стивенс прыгнул из одноколки на землю.

– Уж раз ты жаждешь драться – ты встретил того, кого искал. Перед тобой профессиональный боксер, не ври потом, что я не предупреждал.

– Молния мне в башку! – заорал верзила ликуя. – Я так и думал, Джо, он и впрямь боксер! Не слюняй, как обычно, – а малый, достойный моих кулаков. Будь счастлив, малыш, наконец тебе попался тот, кто способен намять тебе бока. Не знаешь, о чем сказал мне однажды лорд Лонгмор? «Обычный смертный с тобой не справится – только специально скроенный!» Запомни, как сказал его лордство. Ага, именно так!

– Он сказал это до того, как появился Бугай, – буркнул его молчаливый напарник.

– Не гневи меня, Джо! Не поминай опять Бугая, иначе я с тобой разругаюсь. Ну да, он когда-то уложил меня, но, попадись он мне еще раз, ему не поздоровится!.. Чего глазеешь, малый, – хочешь что-то сказать?

– Скажу, что в тебе слишком много хамства, оно так и хлещет через край.

– Хамства? Это что же такое, а ну растолкуй!

– Бахвальство, грубость, наглость – если хочешь знать.

Слово «бахвальство» произвело на незнакомца поразительное впечатление. Он ударил себя по бедру и расхохотался визгливо – это было похоже на ржание жеребенка. Напарник вторил ему тем же визгом, а отсмеявшись, сказал хмуро:

– Именно так, паренек. Бахвал он и есть, ты нашел верное словечко. Хватит лясы точить, идем скорее, пока луна светит между тучами.

Тем временем баронет осматривал одежду незнакомца, рождавшую в сэре Фредерике невольное изумление. Она действительно вызывала ассоциации с конюшней, но при этом была какой-то чудаческой и, пожалуй, старинной. Некогда белая, но давным-давно пожелтевшая касторовая шляпа напоминала головные уборы, носимые кучерами экипажей-четверок: с тульей в форме колокола и загнутыми полями. Табачного цвета короткий сюртук был расстегнут, стальные пуговицы зловеще поблескивали в лунном свете. Помимо того, на незнакомце имелся полосатый атласный жилет, короткие штаны, синие чулки и туфли. В каждом его движении сквозила какая-то медвежья, неотесанная сила. Этот Броукасовский Забияка выглядел в общем-то весьма недюжинной личностью, и молодой кавалерист с улыбкой представил свой будущий рассказ в офицерской столовой – о персоне в стародавнем облачении и о лондонском боксере, который, конечно же, намнет ей сейчас бока.

Грум Бейтс забрал поводья у приземистого напарника; лошади были отчего-то в поту и дрожали.

– Айда за мной! – бросил верзила, кивнув в направлении ворот.

За воротами, под тяжелым сводом деревьев, царил тьма – туда-то и уводила дорога. Оба путника поежились: им стало не по себе.

– Куда, скажите на милость, вы нас зовете? – проговорил баронет.

– А что, по-вашему, здесь можно драться? – откликнулся верзила. – Там, в усадьбе, есть площадка – лучше не сыщешь.

– А я бы сказал, что и дорога сгодится, – возразил Стивенс.

– Для любителей – пожалуй. Но никак не для парней вроде нас с тобой. Ты разве струсил, нет?

– Ну нет! Даже если ты натравишь на меня десяток таких мерзавцев, как ты.

– Тогда вперед, драка будет на славу!

Баронет и Стивенс обменялись взглядами.

– По рукам, – сказал молодой боксер.

И они прошли меж двух столбов – грум тем временем успокаивал лошадей, бивших о землю копытами и поднимавшихся на дыбы. Еще пятьдесят ярдов по заросшей тропке, поворот направо через рощицу – и взгляду путников явилась круглая лужайка. Густая трава как-то странно белела при лунном свете, и низенькая насыпь вокруг поляны тоже поросла травой. Невдалеке высилась каменная беседка с колоннами, очень похожая на строения, какие часто сооружались век назад, при первых Георгах.

– Так вот что, парни, видите, я не врал, – заявил верзила. – Таковую площадку под Лондоном нигде не отыщете! Для бокса, как есть для бокса.

Это было похоже на жуткий сон. Диковинные люди со странной одеждой и манерой говорить, белеющая под светом луны поляна и каменная постройка с колоннами – фантазмагорическое видение! И лишь твидовый костюм, носимый Альфом Стивенсом без особой уклончивости, и его вполне заурядное лицо возвратили сэру Фредерику ощущение реальности.

Верзила снял шляпу, сюртук и атласный жилет, напарник помог ему стянуть рубашку. Стивенс тотчас же принялся неспешно раздеваться сам. Когда противники повернулись лицом друг к другу, Стивенс издал пораженный возглас – только теперь ему и баронету бросилось в глаза уродство верзилы. Череп был обезображен: на верхней части лба имелась вмятина, а нижнюю горизонтально пересекал рубец, багровый и страшный.

– Господи всемилостивый! Скажите, что у вас с головой?

– Думал бы ты о своей башке, приятель, – злобно отвечивал верзила. – Вскорости тебе ни до чего не будет дела, окромя нее. Так что оставь в покое мою черепушку!

Напарник расхохотался хрипло.

– В самую точку, Томми, братец! Делайте ставки на того, кто никогда не проигрывал. Все золото Сити против апельсина!

Забияка Том, подняв кулаки, стоял сейчас в центре площадки. Обнаженный по пояс, этот верзила вырос, казалось, еще больше и превратился в великана; его могучая грудь, крутые плечи и руки с упругими мускулами могли бы служить боксерским эталоном. Маленькие глазки яростно сверкали под рассаженными надбровьями, губы изогнулись в кривой, жестокой ухмылке. Молодой боксер невольно подумал, что в жизни не видел человека, который производил бы столь сильное впечатление, граничащее с ужасом. Однако – эта мысль подбодрила его – он прежде не сталкивался с равным себе противником, и вряд ли такой попадется на обычной сельской дороге... Подумав так, Стивенс широко улыбнулся и принял стойку, изготавившись к бою.

То, что случилось дальше, ошарашило его. Проведя финт левой, незнакомец нанес правой другой удар, чрезвычайно сильный, – и с такой внезапностью, что Стивенс едва сумел увернуться и совершить ответный удар, когда верзила подступил вплотную к нему. Через миг мощные лапы противника сгребли боксера, будто клешни, – и тот, взлетев вверх, кувыркнулся в воздухе и упал на траву. Незнакомец отшагнул назад и скрестил руки на груди, пока Стивенс вставал с земли, багровеющий от негодования.

– Эй! – крикнул молодой боксер. – Это что еще за приемчики?

– Нарушение правил! – воскликнул баронет.

– Да какое нарушение, к чертям?! Лучший прием, что я когда-нибудь видел! – сказал приземистый напарник верзилы. – Вы о каких это правилах толкуете?

– О правилах маркиза Куинсберри, естественно!⁶

– В жизни не слышал. Мы деремся по правилам лондонского бокса!

– Ну ладно! – яростно выкрикнул Стивенс. – Видал я и не такое. Теперь ты меня не подловишь!

И вот, когда верзила опять применил сходный прием, Стивенс ответил ему тем же. Бойцы, сцепившись, повалились на землю – чем и закончился раунд, как и последующие два.

– Что вы можете о нем сказать? – тихо спросил баронет у Стивенса во время одного из перерывов между раундами, когда верзила отошел к своему секунданту и уселся перевести дух на заросший травой вал, окаймляющий лужайку.

Ухо Стивенса кровоточило, но иных повреждений не было заметно.

---

⁶ Правила Куинсберри легли в основу современных боксерских состязаний, проводящихся в перчатках. Может возникнуть вопрос, отчего Стивенс, уже согласившийся драться «по-старинному, без перчаток», все-таки апеллирует именно к ним. Но дело в том, что, помимо наличия (или отсутствия) перчаток, эти правила регламентировали и другие условия боксерской схватки. В частности, запрет на броски, удары локтем или коленом и прочие «грубые» приемы, характерные для раннего бокса XVIII – начала XIX века. Во время действия рассказа все это уже многие десятилетия являлось типичной особенностью «грязного», криминализированного бокса. То есть, когда оказывается, что молодому боксеру все-таки известны и привычны борцовские приемы – современникам А. Конан Дойла это говорило о многом. Одним едва заметным штрихом автор дает понять, что Стивенсу, какой он ни сторонник спортивных поединков, приходилось участвовать не только в них, но и в подлинных «боях без правил»!

– Дерется он умело... Понятия не имею, где он выучился таким приемам, и все же опыта ему не занимать. Стилль боя у него диковинный, но сила львиная, а тело – будто деревянное.

– Не давайте ему подойти слишком близко. Я заметил, что на дистанции у вас преимущество.

– Не думаю, что у меня есть перед ним преимущество хоть на дистанции, хоть без... Но сделаю все, что от меня зависит!

Поединок был яростным, и от раунда к раунду баронет все больше сознавал, что Стивенс наконец-таки столкнулся с подлинным противником. Незнакомец то и дело ухитрялся отвлечь внимание своего соперника, обладал чудовищной непрошибаемостью и наносил стремительные удары – в общем, был крайне опасен даже для профессионала. Его голова и туловище словно бы не ощущали ударов, а жестокая ухмылка не сходила с лица. Нельзя было предсказать, откуда последует следующий удар его кулаков, каменно твердых... Имелся у него и коронный прием – апперкот в челюсть, который он раз за разом пытался провести; и, едва только это ему удалось, Стивенс упал как подкошенный. Низкорослый секундант торжествующе заорал:

– Вот это удар, право слово! Ставьте все на Томми: жеребец супротив куренка! Еще разок – и ты его завалишь!

– Довольно, Стивенс, это чересчур! – воскликнул баронет, помогая боксеру встать на ноги. – Подумайте только, что скажут остальные офицеры, если я доставлю им человека, которого превратили в кашу из мяса и костей? Пожмите руку этому малому и поздравьте его с победой, а не то Громила Бэртон так и останется необузданным.

– Поздравить с победой? Ну, не дождетесь! Будь я не я, но эта треклятая ухмылка мозолит мне глаза, и я добьюсь, чтобы она сползла с его рожи.

– Но сержант Бэртон...

– Уж лучше воротиться в Лондон и никогда не встретиться с вашим сержантом, но руку этому типу из Броукаса я не пожму!

– Ну как, тебе еще мало? – насмешливо спросил верзила, встав с зеленой насыпи.

Реакция Стивенса была мгновенной: он напряжился и кинулся навстречу противнику. Под стремительным напором молодого боксера противник волей-неволей попятился – и в первые секунды казалось, что он наконец близок к проигрышу. Однако этот верзила был словно бы незнаком с усталостью. Его удары сохранили свою мощь и быстроту и в конце раунда. Стивенс, слабея, едва держался на ногах, когда на него обрушилась серия жестоких ударов, противостоять которым он уже не мог. Еще чуть-чуть, и он бы, вероятно, рухнул на землю, но этому помешал внезапный и загадочный случай.

Мы уже упоминали, что, прежде чем выйти на лужайку, путники пересекли небольшую рощицу. Сейчас оттуда послышался истошный, мучительный стон... Кто-то плакал, отчаянно и нечленораздельно; звуки этого плача перемежались жалобным повизгиванием. Верзила, который уже поверг было на колени Стивенса, застыл на месте и бросил взгляд в сторону рощи. Кривой усмешки на его лице как не бывало, рот в ужасе распахнулся.

– Она преследует меня! – завопил он.

– Не поддавайся, Томми! Еще чуть-чуть, и он готов! А она ведь совсем безобидная, пойми!

– Безобидная?! Да я рехнусь, как только ее увижу! Я уже сбрендил от страха... О, вон она!

Он помчался прочь, без устали издавая все те же выкрики. Его спутник громко выругался и, подхватив лежащую на траве одежду, побежал вдогонку; через миг оба исчезли во мраке, царящем под кронами деревьев.

Молодой боксер, поддерживаемый сэром Фредериком, кое-как добрал до окаймляющей лужайку насыпи и там бессильно осел, уронив голову на плечо баронету. Мало-помалу, под действием бренди из фляжки, Стивенс пришел в чувство; плач и взвизгивания в глубине парка звучали все громче и стали наконец оглушительными. Из кустов возникла, ковыляя и пронзительно скуля, маленькая белая собачонка, в которой можно было опознать терьера. Опустив нос к земле – похоже, выискивая какой-то след, – она прошла мимо боксера и баронета, не обратив на них ни малейшего внимания, и тоже скрылась во тьме. Лишь тогда оба путника очнулись от оцепенения и во власти безотчетного ужаса устремились к воротам, где стояла их одноколка. Что за чувство захлестнуло их, они и сами не могли бы себе объяснить... Вскочив в экипаж, они молчали некоторое время, и только в паре миль от дьявольской усадьбы сэр Фредерик нарушил молчание.

– Вы когда-нибудь видели что-то подобное? – спросил он, стараясь унять дрожь в голосе.

– О боже, никогда! – воскликнул Стивенс. – И буду счастлив, если оно мне больше не встретится!

Поздней ночью они прибыли на ночлег в гостиницу «Лебединое гнездо», что находилась вблизи Харпендена. Ее хозяин, давний знакомец баронета, охотно согласился выпить с путниками после ужина стаканчик портвейна. Мистер Джо Хорнер был уже в годах, он прямо-таки обожал бокс и мог без конца толковать о светилах ринга. Имя Альфа Стивенса было ему отлично знакомо, и он с огромным любопытством разглядывал молодого боксера.

– Как я погляжу, сэр, вы после боя теперь, верно? – заметил он. – Но газеты ничего не писали о том, что в наших краях будет происходить...

– Я сейчас не настроен об этом говорить, – отрезал Стивенс.

– О, только не обижайтесь! К слову, направляясь сюда, – Хорнер вдруг сделался чрезвычайно серьезен, – вы часом не видели... этого самого, по прозвищу Забияка из Броукас-Корта?

– Может, и видели – что с того?

– Он же чуть-чуть не угрохал Боба Мидоуза! – В голосе хозяина прозвучало смятение. – Вместе со своим приятелем остановил его повозку прямо перед Броукасовской усадьбой. Все знают, что Боб – боксер из лучших, но тот отдубасил его так... Когда Боба подобрали на лужайке за воротами, он был еле жив, по кусочкам собирали.

Баронет задумчиво кивнул.

– Значит, вы его тоже встретили?! – воскликнул хозяин.

– Да, можно сказать и так, – ответил баронет. – Мы видели кого-то, кто, пожалуй, и есть Забияка. Боже правый, ну и урод!

– Так говорите же! – взмолился хозяин почему-то шепотом. – Боб Мидоуз утверждает, что одежда у них такая, как носили при наших дедах, а у Забияки голова будто продавлена. Это и в самом деле так?

– Кажется, да. Одежда была старомодная, а такой формы черепа я прежде никогда не видел.

– О господи! Вы, сэр, не знаете, верно, что около тех ворот в тысяча восемьсот двадцать втором году расстался с жизнью Том Хикмен, известный боксер? Ну и его приятель Джо Роу – серебряных дел мастер из Сити. Том Хикмен был пьян-пьянешенек и решил на полном ходу проскочить в ворота раньше фургона, что ехал навстречу. Погибли оба, он и Джо, да еще вдобавок колесо фургона прокатилось по голове выпавшего из повозки Хикмена.

– Хикмен, Хикмен... – пробормотал сэр Фредерик. – Это, случайно, не Бахвал?

– Вот-вот, он самый. Он вечно выигрывал на ринге, нанося удар снизу в челюсть, и никто не мог уложить его, покуда с ним не сразился Найт по прозвищу Бугай из Бристоля!

Стивенс встал со стула, он был бледен:

– Довольно, сэр. Мне нужно отдышаться... Давайте поедem дальше.

Хозяин гостиницы хлопнул его по плечу:

– Не вешай голову, парень! Как я смекаю, ты ему отвесил тумачков, что покамест не удавалось никому. Садись и прими стаканчик чего покрепче: если кто в Англии и заслужил нынче доброго напитка, то только ты. Раз уж ты задал взбучку Бахвалу – да хотя бы и мертвому... то поквитался с ним не за себя, а за многих. Э, даже не о кулачных бойцах речь... Знаешь, что он натворил когда-то прямо здесь, где мы сейчас сидим? Много лет назад мне рассказал об этом со слезами на глазах седенький сквайр Скоттер незадолго до своей смерти. Признаться, я слышал эту жуткую историю от многих, но Скоттер-то видел все самолично. В тот злосчастный декабрьский вечер Шелтон победил Джона Хадсона в Сент-Олбенсе, причем Бахвал – он ставил как раз на Шелтона – выиграл немало денег на этом. Они с Роу ехали мимо, остановились перед гостиницей и заглянули сюда, причем Том Хикмен уже был крепко под мухой. И вот он – Бахвал – взял в кухне большую кочергу да и принялся расхаживать по всем комнатам. Люди-то попрятались, потому как сама погибель притаилась в его мерзкой ухмылке. А вот в этом самом кресле – где теперь сидите вы, капитан, – лежал и грелся перед камином продрогший песик породы терьер. И Бахвал, не найдя никого, на ком бы мог сорвать свой кураж, вдруг заприметил его – и одним ударом перешиб собачонке хребет. А потом, дьявол, замахнулся окровавленной кочергой на тех, кто глазел издали, с хохотом вскочил в свою одноколку и погнал прочь от гостиницы в Финчли. Ну а в Финчли-то он и не доехал: его туда доставили с разбитой, будто яйцо, головой. И ходят слухи еще, что с тех пор многожды видели этого песика перед усадьбой Броукасов – залитый кровью, тащится по парку со сломанной спиной и ищет, ищет, кто его убил. Ну вот, теперь ты все понимаешь... Скажу тебе, парень: когда ты с Бахвалом дрался, то дрался не только за себя.

– Наверное, так. Не спорю, – ответил на это молодой боксер, – но одного такого раза достаточно. Лучше уж я буду иметь дело с сержантом ветеринарной службы. Сэр, если вы не возражаете, – обратился он к баронету, – то ехать обратно в Лондон я бы хотел по железной дороге.

Призрак бродит по Лондону

Загадочные события происходят отнюдь не только где-то на далеких окраинах. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной на столе лежит подборка документов о нескольких днях работы в здании, расположенном почти в центре Лондона, всего лишь в считанных сотнях ярдов от площади Пикадилли. Хотя в этом отчете совсем немного страниц, думаю, они вполне заслуживают того, чтобы обратить на себя внимание общественности.

К работе мы решили приступить вскоре вслед за тем, как достоянием гласности сделались первые сообщения. Все они основывались на показаниях жильцов этого дома. Согласно им, в подвальном помещении имело место явственное и при этом безусловно зловещее сгущение паранормальной атмосферы. Кроме того, по всему зданию слышались странные постукивания, на лестнице же порой можно было увидеть непонятное свечение. А молодая женщина, не жившая в этом доме, но часто бывавшая в нем по своим профессиональным обязанностям, сообщала о том, что ей несколько раз доводилось замечать там призрачную фигуру немолодого человека со зловещим выражением лица.

Безусловно, этой информации было достаточно, чтобы наша группа приняла решение ее проверить. Начало работы датируется поздним вечером 28 мая 1924 года. Непосредственно в дом мы вошли ровно за час до полуночи. По пути нам пришлось пройти мимо расположенного неподалеку театра. Только что закончился спектакль, и улица была заполнена шумной, беззаботной толпой возвращающихся домой любителей сценического искусства; тем сильнее оказался контраст, когда мы свернули в переулок и увидели нужное нам старинное здание, мрачное во всех смыслах, окутанное пеленой тьмы и безмолвия.

Несколько слов о составе нашей группы. В нее входила молодая дама (в дальнейшем буду называть ее по исполняемой ею деятельности «духовидица»), с которой мне уже неоднократно приходилось сотрудничать; секретарь, в чьи обязанности входило вести рабочий протокол; молодой голландский художник, обладавший, по его собственному признанию, способностью вступать в контакт с духами; мистер Орас Лиф, известный в спиритических кругах как сильный медиум; врач, о котором в данном случае достаточно сказать, что он работает на Уимпол-стрит⁷; преподобный Вейл Оуэн⁸; и наконец, автор этих строк собственной персоной.

Поскольку идея этой ночной экспедиции принадлежала мне, я же взялся за то, чтобы обезопасить наше мероприятие от проделок всяческих любителей шуток. Все двери были тщательно заперты, а путь на единственную лестницу, ведущую в подвал, надежно перекрыт отрезком бечевки, протянутым поперек ступеней.

Собравшись в подвале, мы расположились вокруг столика, предназначенного для установления спиритических контактов. К тому времени часы показывали 23: 30.

Мы выключили свет и приготовились ждать. Вокруг была полная тишина, которую нарушали только звуки нашего собственного разговора (весь опыт спиритических сеансов подтверждает, что звуковые колебания способствуют установлению контакта с духами).

Сначала темнота вокруг нас казалась столь же абсолютной, как и окружающая тишина. Потом мы все заметили, что на ступеньки подвальной лестницы упал некий еле различимый отблеск света. Если присмотреться, в нем можно было увидеть радужные переливы. Посоветовавшись, мы пришли к выводу: за этот эффект отвечает преломление лунного света, про-

---

⁷ На Уимпол-стрит расположено здание Королевского медицинского сообщества, одной из самых уважаемых в мире врачебных организаций.

⁸ Джордж Вейл Оуэн (1869–1931) – англиканский священник, ярый сторонник объединения христианских духовных исканий и спиритизма.

ходящего сквозь остекленную часть крыши здания, следовательно, к миру духов он прямого отношения не имеет. По-видимому, свет падал на ступеньки и тогда, когда мы только усаживались на свои места, – но в тот момент наши глаза еще не успели привыкнуть к темноте.

Сделав этот вывод, мы продолжили ожидание.

Теперь настало время охарактеризовать общую спиритуалистскую атмосферу, царившую в подвале. Как ни странно, она не указывала на неременное присутствие какого-либо духа. Время от времени слышались отдельные шорохи и потрескивания, но в целом – не больше, чем то характерно для обычного старого дома посреди ночной тишины.

Наши руки лежали на столике. Он иногда чуть заметно подрагивал, но явным свидетельством прихода духа это назвать было трудно.

Мы даже начали подозревать, что, возможно, наша ночная вылазка окончится совершенным фиаско, когда вдруг духовидица, сидящая слева от меня, взволнованно прошептала:

– Я вижу его! Вот он, на верху лестницы! Стоит и, наклонившись, смотрит на нас!

Затем она коротко описала пришельца: «Немолодой мужчина с бородкой. Глаза сощурены и слегка раскосы. На лице – ехидное выражение». Это же описание, слово в слово, немедленно повторил и голландец, тоже увидевший призрака.

Я, к сожалению, по-прежнему видел лишь все тот же свет, падающий на лестничные ступеньки. Но я, как давно выяснено, не наделен способностью видеть духов.

Между тем оба наших медиума наблюдали призрак совершенно отчетливо. Они сообщили, что он спустился на несколько ступенек, немного приблизившись к нам. На этом расстоянии духовидца уже сумела ощутить, что нашего посетителя обуревают сильные душевные эмоции.

Мы заговорили с незримой (во всяком случае, для части из нас) фигурой, прося ее подойти еще ближе и вступить в контакт, сообщив нам, чем мы можем в данном случае помочь. Но почти сразу после того, как этот вопрос прозвучал, оба наблюдателя обнаружили, что наш ночной посетитель исчез с того места, где только что находился.

Через минуту стол для спиритических сеансов пришел в движение и начал ритмично, регулярно, весьма ощутимо подрагивать. Мой опыт столоверчения (а он весьма велик) говорит, что низшие, находящиеся на невысоком уровне развития духи проявляют себя в резких и неравномерных движениях, а такое вот ритмичное подрагивание, как правило, признак осознанного контроля и столь же сознательного желания вступить в контакт.

Мы были к этому готовы, так что все дальнейшее зависело от намерений нашего гостя. Когда нам через некоторое время удалось договориться с ним о коде общения, между обеими сторонами наметился внятный и плодотворный диалог. Во всяком случае ответы мы получали четко и быстро.

– Вы и в самом деле дух?

– Да.

– Человеческий дух?

– Да.

– Тот самый дух, который часто посещает эту комнату?

– Да.

– У вас есть серьезные причины для таких посещений?

– Да.

– Вопрос, волнующий вас, как-то связан с деньгами?

– Нет.

– С поиском каких-то документов?

– Нет.

– С раскаянием за совершенное при жизни?

– Да.

После этих слов я ознакомил духа с законами, по которым функционирует тот мир, где он, дух, ныне проживает, и объяснил, что «привязка» его к реалиям нашей здешней повседневности мешает ему в его дальнейшем духовном совершенствовании. Также я обратился к нему с просьбой больше не пугать обитателей этого дома, абсолютно неповинных в том, что ему, духу, суждено временно застрять на этой стадии. Гораздо лучше для него сейчас будет потрудиться во имя собственного блага, направив силы на свое спасение, что невозможно без внутренней работы над усовершенствованием умственных способностей, остающихся с ним, духом, даже после исчезновения его телесной оболочки. Только когда его нынешний разум, действуя бескорыстно и стремясь к высокому, сумеет постичь закономерности своего теперешнего существования, он перестанет быть прикован к подвалу этого дома.

Напоследок я сообщил духу, что мы намерены молиться за него. Немедленно после этих слов преподобный Оуэн прочитал отличную, замечательно составленную с профессиональной точки зрения молитву, в которой содержалась просьба о том, чтобы наш духовный брат получил помощь в его нынешних затруднениях и был, таким образом, спасен.

Я спросил у призрака, услышал ли он все, что было только что сказано, и если да, то удалось ли ему это понять. Ответ в обоих случаях был положительный.

Повлияет ли это на его решение? Последовала короткая пауза, но затем был дан отрицательный ответ. Совершенно ясно, что при жизни призрак был человеком очень твердого, решительного характера, мало подверженного чужим влияниям, – и таким же он остается и сейчас.

Тогда я сказал, что при всех обстоятельствах мы рады принять от него ту информацию, которую он готов сообщить, но для начала хотели бы узнать его «земное», прижизненное имя. Для этих целей мне пришлось медленно диктовать ему алфавит, а призрак через нашу духовидицу отвечал, какая из названных букв соответствует реальности. Через некоторое время мы получили результат, в записи выглядящий как L-E-N-A-N.

Дальнейший диалог позволил внести уточнения:

- Мы правильно записали ваше имя?
- Нет.
- Первые три буквы, L-E-N, правильны?
- Да.
- Следующей буквой должно быть не «А», а «I»?
- Да.
- Правильное написание вашего имени – L-E-N-I-N?
- Да.
- Следовательно, вы – Ленин, вождь революционной России?
- Да.

Все члены нашей рабочей группы в один голос утверждают, что об этой кандидатуре они даже не думали. Читателю будет тем легче в это поверить, если я признаюсь, что и для меня появление покойного мистера Ленина в подвале лондонского дома было полным сюрпризом.

Следующий мой вопрос предсказать гораздо легче.

- Не могли бы вы что-нибудь написать по-русски?
- Да.

Несмотря на то что дух Ленина ответил согласием, наши взаимные попытки не увенчались успехом. Я не могу винить в этом духовидицу: всякому известно, что сеанс общения с духом, при котором используется вращающийся спиритический столик и специальный планшет с нанесенными буквами, является очень трудным делом. Даже когда медиум пользуется своим родным алфавитом – и то положительный результат оказывается достигнут далеко не в каждом случае.

Наш другой медиум, голландский художник, знавший несколько европейских языков, попытался обратиться к Ленину на них. Последовало несколько кратких ответов («Да» и «Нет»), которые во всяком случае продемонстрировали знакомство призрака с этими языками.

– Итак, вы все-таки хотите передать нам какую-то информацию? – спросил я.

– Да.

– Тогда постараемся воспользоваться для этого английским алфавитом. Внимание! Начинаю диктовку.

После долгой и утомительной работы мы наконец сумели записать довольно странное предложение: «Люди искусства обязаны пробудить погрязшие в самовлюбленности народы». На мой взгляд, наш призрачный собеседник использовал термин «люди искусства»⁹ как синоним всех творческих и широко образованных личностей, чей мозг не скован догмами обыденности.

Когда мы задали вопрос, является ли эта фраза полностью законченным сообщением, наш собеседник ответил, что нет – и продолжение последует. Однако поскольку используемый метод общения, базирующийся на поочередном произнесении вслух всех букв алфавита, оказался слишком медленным и несовершенным, мистер Орас Лиф предложил нам отказаться от спиритического столика и сесть кругом, держась за руки так, чтобы образовалась замкнутая цепь. Это, как всем известно, является для духа недвусмысленным приглашением вселиться в кого-либо из нас и передавать свои сообщения его устами.

И сам мистер Лиф, и голландский художник добровольно предложили себя в качестве объектов такого вселения. Мы сплели руки, образовав замкнутую цепочку и запели гимн «Господь нас бережно ведет»¹⁰, что должно было настроить всех присутствующих в подвале на гармоничный лад, да и вообще звуковые вибрации, как было сказано выше, облегчают контакт с призраками.

Это пение прервалось, когда в темноте прозвучал ровный низкий голос. Говорил мистер Лиф (именно он, а не дух, вселившийся в него):

– Дух пришел, и он желает обратиться ко всем нам с речью. Я чувствую его. Он очень силен, но я не сказал бы, что он представляет собой темную силу. Во всяком случае его аура не такова. Да, он действительно иностранец. Пока это все, что я могу о нем сказать...

Голос умолк, а мы продолжали ждать, сидя в темноте и тишине. Затем до нас донесся вопль боли и хриплые звуки затрудненного дыхания. Это дух, представившийся нам как Ленин, пытался овладеть мистером Лифом. Призрак явно не имел ни малейшего представления о тонких механизмах психотехники, которые принято употреблять в таких случаях, и не был намерен их изучать. Он буквально вламывался в медиума, стремясь достичь своей цели с помощью бескомпромиссного напора. Однако единственное, чего он в действительности сумел добиться, были сильнейшие мускульные судороги, сотрясавшие тело мистера Лифа. Мистер Оуэн, сидевший справа от медиума, и врач, сидевший слева, прилагали все усилия – и только так им удавалось удерживать его руки, дрожащие от напряжения, сведенные болезненными корчами.

Наконец дух оставил свои попытки. Медиум, обессиленный, издал долгий дрожащий стон – и пришел в сознание. Мы были вынуждены признать, что этот простой путь установления контакта оказался не только безуспешен, но и очень болезнен.

---

⁹ В оригинале – «artists», что означает скорее именно «людей искусства» (или даже просто «мастеров своего дела») в широком смысле слова, чем собственно художников, артистов и пр.

¹⁰ Известный англиканский гимн на слова Дж. Г. Ньюмана (1833) и музыку Дж. Б. Дайкса (1865). Очень светлое и жизнеутверждающее произведение, популярное не только в рамках церковных песнопений: например, этот гимн наряду с танцевальными мелодиями играл оркестр на уходящем под воду «Титанике».

Какое-то время наша группа пребывала в недоумении, не зная, что делать дальше. Наконец мы снова сели за столик, но уже в несколько ином составе: теперь вопросы призраку задавал не я, а наш голландский друг.

Духовидица сообщила, что именно в этот момент дух засмеялся. Этот смех (ей довелось слышать его несколько раз) она охарактеризовала как «издевательский».

Тут возникает любопытная перекличка с реальностью, могущая служить косвенным подтверждением. Духовидица не имела никакого представления о внешности реального Ленина, однако, судя по множеству опубликованных воспоминаний и фотографий, мы можем сделать вывод, что веселье у него имело своеобразный характер. Ленинская мимика включала в себя обширный набор самых разных улыбок, с виду вполне дружелюбных – но сопровождавшихся жестким, внимательным прищуром глаз. По-видимому, и его смех вполне мог соответствовать вышеописанной характеристике.

Наши попытки снова завязать общение продолжались еще довольно значительное время. Несмотря на все сложности, мы в общих чертах сумели расшифровать вторую часть послания. Смысл его сводился к тому, что Великобритания и Россия должны наладить друг с другом добрые отношения. Дух предупредил, что если это не удастся, то обе страны неизбежно окажутся втянуты во взаимную войну, а это будет весьма прискорбно, ибо в военном отношении нынешняя Россия чрезвычайно сильна...

По-видимому, сразу после того, как нам удалось зафиксировать и понять эту информацию, призрак счел контакт исчерпанным. Столик немедленно перестал дрожать и вращаться, да и медиумы через свои органы чувств не смогли получить больше никакой информации. Незадолго до окончания сеанса духовидица сообщила, что хорошо видит нашего призрачного собеседника, сидящего на ступеньках лестницы. Однако вскоре после этого она объявила о его уходе – и действительно, всякая связь сразу же оборвалась.

Вот так и закончился наш любопытный эксперимент в старом доме прямо посреди Лондона. Не стану выступать с заявлением, что мы получили какие-либо бесспорные доказательства, которые могут быть подтверждены всеми участниками опыта. С другой стороны, можно решительно утверждать, что никто из нас не способствовал вращению столика, что поступающие нам сообщения были ясны и понятны, и наконец, что мы столкнулись с цепочкой последовательно и логично развивающихся событий.

В качестве дополнительных сведений могу сообщить еще одну небольшую деталь. Среди информации, полученной нами от призрака, была и такая: при жизни, когда ему приходилось бывать в Лондоне, он часто посещал этот дом, хотя и не снимал в нем квартиру. Можно еще добавить, что это здание до сих пор часто посещается иностранными художниками и прочими «людьми искусства», среди которых, конечно, есть и русские. Тем более логичной выглядит мысль, что Ленин во время своего пребывания в Лондоне тоже имел возможность тут бывать.

Мистер Оуэн высказал предположение: призрак, увидев нашу группу, собравшуюся в подвале, автоматически сделал вывод, что мы тоже являемся «людьми искусства», и его обращение к нам было чем-то вроде призыва: «Вы, люди искусства, обязаны пробудить...» Возможно, в широком смысле слова он (дух) и не ошибся. Если же говорить о самом его стремлении пробудить народы, погрязшие в эгоизме, то, думается, такой порыв трудно ожидать от духа, который был бы носителем злого начала...

Я не уверен в правильности этого толкования, высказанного достопочтенным священником. Однако у меня нет сомнений: все члены нашей группы, которым довелось видеть или иным образом ощущать присутствие нашего гостя, абсолютно убеждены: они имели дело с реальным существом, наделенным чувствами и разумом.

Конечно, нельзя полностью исключить и такую гипотезу, как намеренный обман, исходящий от самого духа. Поэтому, как видят читатели, я избегаю недвусмысленно называть

его Лениным: и действительно – речь может идти лишь о «визитере» с той стороны, *представившемся нам* как Ленин. Однако эта возможность, пожалуй, остается скорее теоретической. Во всяком случае, серьезность намерений и высокий интеллект призрака произвели на всех нас неизгладимое впечатление. Трудно представить, что он, в свою очередь, остался глух к нашим неоднократным призывам говорить правду и только правду.

Так или иначе, все мы надеемся, что после того, как это адресованное Великобритании, России и народам земного шара сообщение было обнародовано, дух Ленина перестанет беспокоить обитателей дома неподалеку от Пикадилли...

Мэри Шелли

Мэри Шелли обычно воспринимают как «автора одной книги». Действительно, роман (по объему – скорее повесть) «Франкенштейн» оставил в литературе глубочайший след и запомнился гораздо больше, чем все ее остальное творчество. Однако на самом деле Шелли вела активную литературную жизнь, из-под ее пера вышли семь романов и десятки рассказов. Основное число этих рассказов создано в 1820–1830-е годы, в «дотехническую» эпоху. Жанр их сама писательница, наверное, определила бы как научную фантастику (впрочем, этого термина тогда не существовало), но когда фантастика столь ранней эпохи повествовала о том, что авторам и их первым читателям представлялось *искусством возможного*, получалось скорее нечто вроде современной фэнтези. Причем преимущественно «темной» фэнтези на грани хоррора – уж очень часто основной интерес был обращен на проблемы жизни и смерти, а также разного рода «возвращений» из-за последнего рубежа. Это мы видим на примере и «Франкенштейна» (ведь гальванизация в те десятилетия была новой научной дисциплиной, обещавшей, казалось, не меньшие результаты, чем сегодня ожидают от генной инженерии или нанотехнологий!), и «Роджера Додсворта»...

Роджер Додсворт, воскресший англичанин

Как многие могут помнить, 4 июля сего года¹¹ в газетах появилась заметка, сообщающая о докторе Хотэме из Нортумберленда, который, возвращаясь из Италии перевалом Сен-Готард несколько лет тому назад, из-под снежных завалов близ вершины откопал человека, чьи жизненные процессы приостановились под воздействием мороза. После применения обычных средств пациент пришел в чувство и назвался мистером Додсвортом, сыном антиквара Додсворта, усопшего во времена Карла I¹². На момент погребения в снегах, произошедшего во время его возвращения из Италии в 1654 году, спасенному было тридцать семь лет. Сообщалось также, что после окончательного восстановления он отправится в Англию под опекой своего спасителя. Больше о нем не поступало известий, и различные помыслы по использованию его обстоятельств в общественных интересах, начавшие было вызревать в филантропических умах по прочтении статьи, ушли в изначальное небытие. Антикварное сообщество уже начало прикидывать, какую цену предложить за старинные одежды м-ра Додсворта, а также строить догадки, какого рода сокровища наподобие брошюр, текстов песен или рукописных писем могли таиться в его карманах. Во всех частях света всюду уже сочинялись стихи всевозможных видов – элегии, поздравления, бурлески, аллегории. Мистер Годвин¹³, соблазнившись невиданно достоверными сведениями, приостановил едва начатую работу над историей республики¹⁴. Печально, что мир не только остался без всех этих даров от лучших умов страны, но и лишился нового предмета для романтических восхвалений и научных изысканий, едва успев обрести его. Оригинальная идея немалого стоит среди повседневной жизненной рутины, однако новое происшествие, диковинка, чудо, явное отклонение от привычного положения вещей в сторону чего-то с виду невероятного – это обстоятельства, за которые воображение цепляется с неизменным восхищением. И мы повторяем: как же печально, крайне печально, что м-р Додсворт отказывается явиться публике, а уверовавшие в его возвращение к жизни вынуждены терпеть саркастическое отношение и торжествующие реплики скептиков, всегда держащихся в спорах безопасной стороны.

Лично мы не считаем, что в приключениях сего юного реликта было нечто противоречивое или невероятное. Биение жизни (полагаю, физиологи с этим согласятся) с легкостью можно приостановить как на сотню-другую лет, так и на несколько секунд. Тело, плотно загерметизированное на морозе, неизбежно сохраняется в своем первозданном виде. К тому, что полностью изолировано от воздействия внешних сил, нельзя ничего присоединить, как нельзя чего-то и отнять от него, и разложению оно не подвластно, ибо материя не может попросту исчезнуть. В состоянии, называемом нами смертью, не уничтожение материальных частиц, а происходящие с ними изменения заставляют их скрыться с наших глаз; они служат пищей для земли и для воздуха, и каждая стихия забирает свое, получая, таким образом, возмещение за некогда отданное. Однако стихии, парившие над ледяным укрытием м-ра Додсворта, не могли преодолеть оберегавшей его преграды. Ветер не в силах был сдуть волосы с его лба, ночная роса или приятное утро – проникнуть сквозь его несокрушимую защиту. История семи спящих отроков¹⁵ имеет своей предпосылкой чудо: они спали. Но м-р Додсворт не спал, грудь его не вздымалась, пульс не бился – смерть накрыла рукой его

---

¹¹ Рассказ был написан в 1826 году. Опубликован впервые в 1863 году, спустя двенадцать лет после смерти автора.

¹² 1625–1649 гг.

¹³ Уильям Годвин (1756–1836) – английский писатель, публицист, политический философ. Отец Мэри Шелли.

¹⁴ «История Английской республики от ее начала до Реставрации» («History of the Commonwealth of England from its commencement to its restoration») – обобщающий труд Уильяма Годвина, созданный в 1824–1826 гг.

¹⁵ Семь отроков Эфесских – христианские юноши-мученики, согласно легенде проспавшие в пещере более трехсот лет.

уста, преградив путь дыханию. Теперь же он избавился от нее, поверг мрачную тень, и той есть чему удивиться. Жертва ее так долго находилась в плену мороза – и вот воскресает в точности тем же человеческим существом, каким пала сто пятьдесят лет тому назад.

Мы с удовольствием заполучили бы подробности его первых бесед и узнали бы о том, как он приспособлялся к новой жизни. Но поскольку подобными фактами мы не располагаем, позвольте нам утешить себя догадками. Первые его слова могут быть угаданы по поведению людей, переживших менее продолжительные неприятности подобного характера. Но по мере его выздоровления начинаются странности. Уже внешний вид его привел д-ра Хотэма в изумление: борода клинышком, длинные локоны, брыжи, намертво застывшие от воздействия мороза и крахмала, но позднее все же растаявшие; платье, какое можно увидеть на портретах кисти Ван Дейка или (если прибегнуть к более понятному сравнению) на м-ре Сапло в опере Винтера «Оракул»; наконец, остроконечные туфли – все говорило о другом времени. Любопытство его спасителя с жаром пробудилось, когда м-р Додсворт начал отходить ото сна.

Но для того чтобы хоть с какой-то степенью вероятности предугадать характер его первых вопросов, мы должны постараться выяснить, кем же он был в прошлой жизни. М-р Додсворт жил в наиболее интересный период английской истории – он оказался оторван от мира, когда Оливер Кромвель достиг предела своих амбиций, а Английская республика в глазах всей Европы выглядела столь прочной, как если бы смогла вынести любые трудности. Карл I умер, Карл II слыл изгоем, нищим, лишенным даже надежды. Отец м-ра Додсворта, антикварий, получал жалованье от генерала республики, лорда Ферфакса, большого любителя древностей. Додсворт-старший умер в тот же год, когда его сын ушел в свой долгий, но не бесконечный сон. Это любопытное совпадение наводит на мысль, что наш плененный морозом друг возвращался в Англию по случаю смерти отца, вероятно, чтобы заявить права на наследство, – как же недолговечны людские замыслы! Где же теперь наследство м-ра Додсворта? Где его сонаследники и душеприказчики? С его продолжительным отсутствием, как мы полагаем, все его состояние перешло в иные руки. Мир стал старше на сто семьдесят лет с тех пор, как он сошел со сцены, – одни владельцы за другими вспахивали его землю, а затем и сами ложились в нее. Мы позволим себе усомниться в том, что хоть один кусок ее поверхности остался в том же виде, как при нем. Молодая почва не примет старой глины.

М-р Додсворт, насколько мы можем судить по его пребыванию за границей, не являлся рьяным сторонником республики, хотя то обстоятельство, что он выбрал для своего путешествия Италию и после смерти отца рассчитывал вернуться в Англию, предполагает, что не был он и ярым монархистом. Вероятно, он является (или являлся) одним из тех, кто не последовал совету Катона¹⁶, приведенному в «Фарсалии»¹⁷, и придерживается взглядов, к которым Данте призывает относиться с крайним презрением, – одним из тех, кто нередко приземляется меж двух табуретов, опасаясь присесть на какой-либо из них. Тем не менее м-ра Додсворта не могли не волновать последние вести с родины в столь критический период: его отсутствие могло поставить под угрозу его собственность. Нам нетрудно представить себе, что после того, как он ощутил в своих членах приятное возвращение кровотока и отведал плодов земли, каких и не надеялся попробовать в своей жизни, после того, как ему рассказали, от какой опасности его спасли, и как он произнес молитву, которая показалась д-ру Хотэму чрезвычайно длинной, – пожалуй, мы можем представить, что первый его вопрос мог быть таков: «Есть ли какие-нибудь новости из Англии?»

– Вчера я получил письма, – мог бы ответить ему д-р Хотэм.

¹⁶ Марк Порций Катон Младший (95–46 гг. до н. э.) – древнеримский политический деятель.

¹⁷ «Фарсалия, или Поэма о гражданской войне» («Pharsalia») – поэма древнеримского поэта Марка Аннея Лукана. В поэме Катон выведен как исключительно положительный герой.

– В самом деле? – восклицает м-р Додсворт. – Прошу, сэр, ответьте, случились ли какие-нибудь перемены – в лучшую ли, в худшую ли сторону – в этой истерзанной смутой стране?

Д-р Хотэм, заподозрив в собеседнике радикала, холодно отвечает:

– Что вы, сэр, едва ли это можно назвать смутой. Люди говорят о голоде среди рабочих, о банкротствах, о крахе акционерных обществ – но все это неприятные частности, сопутствующие полнейшему благосостоянию. По существу, Англия никогда еще не пребывала в более преуспевающем положении.

В свою очередь, м-р Додсворт подозревает в докторе республиканца и с осторожностью, которую мы договорились считать обычным его свойством, на некоторое время отбрасывает верноподданнические чувства и спокойным тоном вопрошает:

– А с должной ли серьезностью относятся наши правители к этим признакам непомерного благосостояния?

– Наши правители, – отвечает его спаситель, – если вы имеете в виду министров, даже слишком внимательны к временным трудностям. (Просим д-ра Хотэма извинить нас, если обидели его, выставив крайним тори; таким свойством он обладает лишь в наших представлениях о нем, ведь доподлинно нам об этом джентльмене ничего не известно.) Хотелось бы, чтобы они проявили большую стойкость. А король, храни его Господь...

– Сэр! – восклицает м-р Додсворт.

Д-р Хотэм продолжает, не ведая о непомерном изумлении, охватившем его пациента:

– А король, храни его Господь, выделяет огромные суммы из собственного кармана на помощь своим подданным, и его примеру следует вся аристократия и богачи Англии.

– Король?! – выкрикивает м-р Додсворт.

– Да, сэр, – решительно подхватывает его спаситель, – король, и я рад сказать, что предрассудки, которые столь печально и неоправданно обуревали английский народ в отношении Его Величества, ныне сошли на нет, с немногочисленными, – продолжает он с суровостью в голосе, – и достойными презрения исключениями, уступив место смиренной любви и почтению его талантов, достоинств и отеческой заботы.

– Дорогой сэр, вы так порадовали меня, – отвечает м-р Додсворт, и крошечный бутон его монархизма расцветает внезапно целым цветком, – и все же я с трудом понимаю вас, ведь перемена столь разительна! А как же Карл Стюарт, Король Карл – теперь я могу его так называть; его убийство – полагаю, оно подвергнуто осуждению, как того и заслуживает?

Д-р Хотэм кладет руку на пульс пациента, опасаясь, что подобные речи знаменуют приступ горячки. Пульс нормален, и беседа продолжается:

– Сей несчастный мученик, глядящий на нас с небес, удовлетворен, я полагаю, воздаваемым его имени почтением и молитвам, посвященным его памяти. Рискну предположить, что в Англии этого незадачливого монарха вспоминают, по большей части, с состраданием и любовью.

– А его сын, который правит сейчас?..

– Ах, сэр, вы забыли; отнюдь не сын, сие никак не возможно. Его потомков не найти на английском троне, который теперь по достоинству занят Ганноверской династией. Презренный род Стюартов, давних изгоев и скитальцев, ныне пресекается. Последний претендент на корону из этой семьи получил приговор, навсегда изгнавший его из королевства, и своими последними днями доказал пред лицом всего мира справедливость этой меры.

Должно быть, таким был первый урок политики для м-ра Додсворта. Вскоре, к удивлению спасителя и спасенного, истинное положение дел прояснилось. Странные и необычайные последствия продолжительного транса грозили разуму м-ра Додсворта полным разрушением. Переходя через перевал Сен-Готард, он оплакивал лишь своего отца, но теперь всякий человек, встречавшийся ему прежде, похоронен и обратился в прах, и всякий голос,

слышанный им прежде, умолк. Само звучание английского языка изменилось, в чем убедил его опыт общения с д-ром Хотэмом. Успели возникнуть либо исчезнуть империи, религии, целые народы; его собственное наследство (праздный вопрос, но все-таки: на что же ему жить?) сгинуло в зияющей бездне, вечно жаждущей поглотить все бывшее. Его знания и умения наверняка устарели. С горькой улыбкой он думает, что ему следует перенять отцовскую профессию и стать антикваром. Он задается вопросом: куда девались сто шестьдесят томов ин-фолио, собранных его отцом, на которые он в юности взирал с религиозным почтением, где они теперь? Приятель детства, друг более поздних лет, любимая невеста... Оттаявшие после лютой стужи слезы скатываются с его юных старых щек.

Но не будем же впадать в жалость. Несомненно, со времен библейских патриархов ни один возлюбленный не оплакивал смерть прекрасной дамы спустя столь долгое время после ее кончины. Сила обстоятельств, этот тиран, в некоторой степени примиряет м-ра Додсворта с его судьбой. Поначалу он убеждается, что нынешнее поколение людей значительно изменилось к худшему по сравнению с его современниками, но позднее начинает сомневаться в истинности своих первых впечатлений. Мысли, владевшие его умом перед происшествием и замороженные на многие годы, начинают таять и рассеиваться, освобождая место для новых. Он одевается по современной моде и не противится ничему, кроме шейных платков и шляп, повязываемых лентой. Он восхищается материалом, из которого сделаны его туфли и чулки, и с благоговением смотрит на небольшие женевские часы, с которыми часто сверяется, будто не уверен, что время идет вперед привычным образом, и будто вот-вот найдет на циферблате подтверждение того, что выменял свои тридцать семь лет на две с лишним сотни и оставил 1654-й далеко позади, чтобы внезапно обнаружить себя свидетелем деяний людских в просвещенном девятнадцатом столетии. Его любопытство ненасытно; при чтении его глаза не успевают напиться разумом, и он постоянно наталкивается на некие непостижимые идеи, открытия и знания, хорошо знакомые нам, но едва ли представимые в его эпоху, и они увлекают его в бесконечные чудные грезы. Вероятно, он мог бы проводить в таком состоянии большую часть времени, то и дело запевая роялистскую песенку против старого Нолла¹⁸ и Круглоголовых¹⁹, затем внезапно останавливаясь и боязливо оглядываясь, чтобы увидеть, кто его слушает; заметив лишь своего современного друга – доктора, он со вздохом отмечает, что теперь ни для кого не имеет значения, поет ли он роялистскую каччу или пуританский псалом.

Рассуждать о философских идеях, на которые наводит воскрешение м-ра Додсворта, можно бесконечно. Нам было бы занятно побеседовать с этим джентльменом, а еще занятнее – наблюдать за развитием его разума и переменами в его воззрениях в столь необычном положении. Будь он резвым юнцом, падким до мирских соблазнов и не обеспокоенным иными людскими стремлениями, он мог бы вскоре отбросить тень былой жизни и попробовать влиться в человеческий поток, бурлящий ныне. Было бы довольно любопытно проследить, какие ошибки он совершит, как преобразятся его манеры. Он может предпочесть активную жизнь, присоединиться к вигам или тори и занять место в здании, которое и в его времена лишь из привычки называлось часовней Святого Стефана²⁰. Он может жить задумчивым философом и находить достаточно пищи для ума в наблюдениях за поступью человеческого разума, за изменениями, которым подвергаются нравы, желания и способности рода людского. Чем они будут для него – совершенствованием или упадком? Должно быть, он восхищается нашей промышленностью, научным прогрессом, распространением грамоты и

¹⁸ Прозвище Оливера Кромвеля, данное ему современниками.

¹⁹ Странники Парламента во время Английской революции XVII века.

²⁰ Часовня Святого Стефана, некогда расположенная в Вестминстерском дворце, уже в XVI веке использовалась не для богослужений, а как место заседания палаты общин. В 1834 году была уничтожена пожаром.

свежим духом предпринимательства, характерным для нашей страны. Найдёт ли он людей, достойных сравнения со славными личностями его дней? Придерживаясь столь умеренных взглядов, какие мы за ним полагаем, он, вероятно, сразу же впадёт в выжидательное умонстроение, которое сейчас в такой моде. Он будет рад затишью в политике, он преисполнится восхищением перед правительством, преуспевшим в примирении всех партий, – и обнаружит мир там, где прежде была вражда. Он будет иметь тот же характер, что и пару столетий тому назад, – останется все тем же спокойным, мирным и сдержанным м-ром Додсвортом, что и в 1647 году.

Хотя образованность и обстоятельства могут придать неотесанному разуму направление и форму, им не под силу создать или насадить интеллект, благородные стремления и силу духа там, где тупость, неопределённые цели и низкие желания предопределены самой природой. Отталкиваясь от этой мысли, мы часто (забудем на время о м-ре Додсворте) пытались представить, как поступали бы те или иные герои античности, если б родились в наши времена; далее разыгравшееся воображение нарисовало нам, будто некоторые из них и в самом деле переродились. Согласно теории, описанной Вергилием в шестой книге «Энеиды», каждую тысячу лет мертвецы возвращаются к жизни. Их души наделены теми же способностями и возможностями, что и прежде, но приходят в этот мир без знаний; их зачаточные особенности принимают тот облик, какой сообщают им положение в обществе, образование и опыт. Пифагор, как рассказывают, помнил многие переселения своей души, хотя для философа он извлек крайне мало пользы из этих воспоминаний. Помнить, кем они некогда являлись, было бы поучительным для королей, государственных деятелей и, по существу, для всех человеческих существ, призванных быть теми, кто они есть, и играть свою роль на сцене мира. Отсюда мы могли бы вывести представление о рае и аде: если бы тайны нашей прежней личности хранились глубоко в нас, мы содрогались бы от вины либо торжествовали от восхвалений, воздаваемых нашим прежним облициям. Поскольку тяга к славе и доброй посмертной репутации столь же естественна для человека, как и его привязанность к самой жизни, он должен трепетать перед честью или позором, сохранившимися для истории. Кроткий дух Гая Фокса успокоился бы воспоминанием о том, что некогда он проявил себя достойно в облике Марка Антония. Переживания Алкивиада или даже изнеженного Стини²¹ Якова I могли бы уберечь Шеридана²² от следования той же тропой ослепительного, но мимолетного блеска. Душа нынешней Коринны²³ была бы очищена и возвеличена тем, что некогда воплотилась в образе Сапфо. Если бы вдруг чародейка-память заставила всех представителей нынешнего поколения вспомнить, что десять столетий назад они являлись другими людьми, немало наших свободомыслящих мучеников с удивлением узнали бы, что страдали еще как христиане от гонений Домициана. А судья, вынося приговор, внезапно узнал бы, что прежде приговаривал святых ранней церкви к пыткам за неотречение от религии, которую теперь исповедовал сам. Последствиями такого прозрения были бы лишь благие дела и великодушие. И все же чудно было бы наблюдать, как возгордились бы иные служители церкви от сознания, что их руки некогда держали скипетр, а честный ремесленник или вороватый слуга обнаружил бы, что превращение в праздного дворянина или главу акционерного общества не слишком повлияло на его нрав. В любом случае можно предположить, что смиренные возвысились бы, а знатные и горделивые ощутили бы, как все их награды и заслуги обращаются в безделушки и детские забавы, оглянувшись на скромное положение, которое занимали когда-то. Если бы философские романы были в моде, можно

²¹ Прозвище Джорджа Вильерса (1592–1628), фаворита короля Якова I, более известного как герцог Бэкингем (тот самый, которого Дюма через много лет сделает одним из героев «Трёх мушкетеров»).

²² Скорее всего, речь идет о Ричарде Бринсли Шеридане (1751–1816), известнейшем политике и драматурге.

²³ Коринна (V в. до н. э.) – древнегреческая лирическая поэтесса.

было бы написать прекрасную книгу о развитии одного и того же разума в разных условиях, в разные периоды мировой истории.

Но вернемся к м-ру Додсворту, ведь нужно сказать ему несколько слов на прощание. Мы просим его более не хоронить себя в безвестности; если же он из скромности сторонится общественной жизни, умоляем его свести знакомство с нами лично. Нас тяготит тысяча незадаанных вопросов, неразвешанных сомнений, неустановленных фактов. Если он страшится того, что старые привычки и странный внешний вид сделают его смешным для привыкших к современной изысканности, мы заверяем, что не станем высмеивать его наружность и что достоинство и душевное совершенство всегда будут вызывать наше уважение.

Мы говорим это на тот случай, если м-р Додсворт жив. Но, возможно, он вновь расстался с жизнью. Возможно, он открыл глаза лишь для того, чтобы закрыть их еще плотнее. Возможно, его древнее тело не сумело приспособиться к пище наших дней. Ему, с содроганием обнаружившему себя в положении живого мертвеца, так и не нашедшему общности между собой и нынешней эпохой, предстояло еще одно последнее прощание с солнцем. Возможно, его спаситель и озадаченные местные жители проводили его в последний путь до могилы, где он смог уснуть истинным смертным сном, – в той же долине, в которой уже так долго отдыхал. Д-р Хотэм мог бы установить простенькую табличку над его дважды погребенными останками с надписью:

Памяти Р. Додсворта,
англичанина.
Родился 1 апреля 1617 года,
скончался 16 июля 1826 года
в возрасте 209 лет

Если эта надпись сохранится после неких ужасных потрясений, которые заставят мир начать жизнь заново, она может стать основой для множества научных исследований и изобретательных теорий о расе, оставившей подлинные свидетельства о людях, достигших такого немыслимого возраста.

Гилберт Кийт Честертон

Самый запоминающийся из созданных Честертоном образов – безусловно, патер Браун: фигура, известная не только любителям детективов. На самом деле это, наверное, не совсем справедливо (Честертон – автор очень многоплановый), но... в каком-то смысле объяснимо. У Брауна, как и у его создателя, очень «католический» взгляд на жизнь (впрочем, как и на смерть), на соотношение между реальным и иррациональным, на мистицизм – как «традиционный», связанный с учением Сведенборга, так и «новомодный» (для времен Честертона, конечно).

Кроме того, этот взгляд предполагает особое внимание к «величию мелочей». И к тому духу «доброй старой Англии», который в творчестве Честертона всегда чувствуется, даже когда изображаемая им Англия не так уж добра и подчеркнута современна (опять-таки на момент написания рассказа).

В качестве примера можно проанализировать тот эпизод «Величия мелочей», который сам автор с тихой иронией называет «загадочным»: узоры в саду, выложенные из бутылочных пробок. Это ведь не детские игры, а единственное украшение бедного садика, разбитого взрослыми на тесном участке. При минимальном достатке современники Честертона выкладывали такие узоры из разноцветного гравия, а еще дополняли их диковинного вида камнями, устраивая маленькие «альпийские горки»: считалось приличным также украшать их раковинами – то привозными тропическими, то окаменелыми. Это вдобавок могло заменить недостаток экзотических растений, которые стоили недешево. Тот, кто не имел средств даже на такое, но все же стремился придать своему палисаднику оригинальность, использовал в сходных целях раковины от съеденных устриц (для тогдашних англичан – пища бедняков). Но здесь, похоже, семья совсем бедная, даже устричных раковин у них нет... зато винных пробок – в избытке. Сразу возникает вопрос: на что отец семейства расходует большую часть бюджета... и не по этой ли причине семейство прозябает в такой нищете?

Мелочь? Но это одна из тех «великих мелочей», из-за которой кто-то, покидая этот мир, выбирает путь «в великаны», а другой предпочитает навсегда остаться здесь, на ближней окраине несовершенного, но столь дорогого ему мира.

Огненный ангел

Я обнаружил, что на свете действительно есть человеческие существа, которые думают, будто сказки вредят детям. Я не говорю о госте в зеленом галстуке, ибо его я никогда не считал настоящим человеком. Но дама, написавшая мне серьезное письмо, считает, что детям нельзя давать сказки, даже если они правдивы. Она говорит, что жестоко рассказывать их детям, ведь дети могут их испугаться. В таком случае придется утверждать, что жестоко давать девушкам сентиментальные романы, ибо девушки могут над ними плакать. Все эти разговоры – от полного забвения того, что собой представляет ребенок, и на этом забвении построено множество образовательных схем. Если вы будете оберегать детей от гоблинов и троллей, дети сами выдумают их. Маленький ребенок в темноте может увидеть больше кошмаров, чем сам Сведенборг. Он может вообразить чудовищ слишком страшных и темных, чтобы их нарисовать, и дать им такие жуткие имена, какие не могут явиться даже в безумном сне. Ребенок обычно любит ужасы и продолжает наслаждаться ими, даже если они его пугают. И трудно сказать точно, когда ему становится действительно плохо, – и то же верно для нас, когда мы по собственному желанию заходим в пыточную камеру великой трагедии. Страхи не приходят к нам из сказок, они рождаются в глубине нашей души.

Пугливость ребенка, как и дикаря, вполне разумна; им тревожно в этом мире, потому что этот мир и правда очень тревожное место. Они боятся остаться одни, потому что это на самом деле ужасно – быть одному. Варвар боится неведомого по той же причине, по которой агностик восхваляет его, – потому что оно есть. Итак, сказки не порождают детские страхи или любые другие виды страха; сказки не знакомят ребенка с идеями зла или уродства; все это уже есть в ребенке, потому что есть в нашем мире. Сказки не приводят ребенка к мысли о чудовищах, они учат его, как с ними бороться. Если у ребенка есть воображение – он знаком с драконом. Сказка же рассказывает о том, как святой Георгий смог этого дракона победить.

Именно это делает сказка: она показывает с помощью ряда ярких картинок, что у беспредельного страха есть предел, что бесформенным чудовищам противостоят божьи рыцари, что во вселенной есть нечто более таинственное, чем тьма, и более сильное, чем страх. Когда я был ребенком, я вглядывался в темноту, пока ее громада не превращалась в гигантское чудовище ростом выше небес. Если в небе виднелась звездочка, она всего лишь делала его циклопом. Но сказки вылечили меня: на следующий день я прочитал подлинную историю о том, как одноглазый гигант примерно тех же размеров был побежден маленьким мальчиком вроде меня (с таким же опытом и даже ниже по социальному статусу) с помощью меча, пары плохоньких загадок и храброго сердца. Иногда ночью море казалось мне таким же страшным, как любой дракон. Но потом я познакомился со множеством младших сыновей и маленьких матросов, для которых справиться с драконом-другим было так же просто, как и с морем.

Возьмите одну из самых страшных сказок братьев Гримм – «О добром молодце, который страха не знал», и вы поймете, что я имею в виду. В этой сказке много настоящих кошмаров. Мне особенно запомнилось, как ноги человека, упавшего в камин, пошли сами собой, а потом соединились с выпавшими из камина туловищем и головой. Но главное в сказке совсем не эти ужасы, а то, что главного героя они не пугают. Самое страшное из всех этих кошмарных чудес – его бесстрашие. Он хлопает чудовищ по спине и приглашает чертей выпить с ним вина; множество раз в своей юности, страдая от страхов нашего времени, я молил о двойной порции твердости его духа. Если вы не читали концовку этой истории – идите и прочитайте; это одна из самых мудрых вещей в мире. В конце концов героя пугает

его жена, выливая на него ушат холодной воды. В одной этой сентенции гораздо больше правды о браке, чем во всех книжках, что сейчас наводнили Европу и Америку.

По углам детской кроватки стоят Персей и Роланд, Зигфрид и святой Георгий. Если вы уберете эту гвардию, вы не сделаете ребенка более разумным, а всего лишь оставите его одного бороться с чертями. Что же до чертей и зла – мы всегда в них верим. То, на что мы можем надеяться в этом мире, постоянно отрицается в наше время, а безысходность еще никогда не подвергалась сомнению. Единственное, во что современные люди действительно верят, – это безысходность.

Величайший из современных поэтов подытожил это ощущение в прекрасных агности-ческих строках:

– Быть может, есть небо; конечно, есть ад.

Мрачный взгляд на вселенную был традицией, и все виды духовных поисков тоже стали начинаться с мрака. Еще совсем недавно люди не верили в духов. Сейчас же они скорее поверят в злых духов.

Многие люди возражают против спиритизма, столоверчения и прочих таких вещей, потому что им кажется вульгарным, что духи шутят или даже вытанцовывают вокруг обеденных столов. Я не разделяю их предубеждений. Мне хотелось бы, чтобы духи были еще более игривыми, чтобы они откалывали еще больше шуточек, ибо почти вся духовность нашего времени торжественна и мрачна. Некоторые боги язычества были слишком фривольными, некоторые христианские святые – слишком серьезными; но духи в современном спиритуализме и распутны, и занудны – отвратительное сочетание. Современные духи – не просто зеленые чертики, они скорее черти зеленой тоски.

Вот в чем настоящая ценность Рождества; это не просто мифология – это радостная мифология. Лично я, конечно же, верю в Санта-Клауса; но пришло время прощения, и я прощаю тех, кто в него не верит. Однако, если есть кто-то, не понимающий этого изъяна современного мира, я рекомендую ему, например, прочитать повесть Генри Джеймса под названием «Поворот винта». Это одна из самых сильных вещей, которые когда-либо были написаны, и одна из тех, относительно которых я сомневаюсь, стоило ли их вообще писать. В ней описываются двое детей, которые постепенно становятся всеведущими и почти безумными под влиянием призраков конюха и гувернантки. Как я уже говорил, сомневаюсь, стоило ли Генри Джеймсу ее печатать (нет, там нет непристойностей, не покупайте ее; она о духовности), но думаю, этот вопрос настолько сомнителен, что я должен дать шанс этому действительно великому писателю. Я всецело одобряю эту повесть, если он напишет другую, такую же сильную, о двух детях и Санта-Клаусе. Если же он не захочет или не сможет ее написать, то все понятно; мы можем талантливо описать мрачную тайну, но не радостную; мы не рационалисты, а сатанисты.

Я размышлял об этом, глядя на пламя в камине, которое танцевало в комнате, как огромный огненный ангел. Скорее всего, вы никогда не слышали об огненном ангеле. Но наверняка слышаны о том, что называется «синим дьяволом»: о леденящей, дьявольской тоске. Вот и все, что я хотел сказать.

Величие мелочей

Давным-давно жили-были два маленьких мальчика – точнее, жили они в палисаднике у красивого поместья. Садик этот был размером с обеденный стол; он состоял из четырех полосок гравия, квадрата дерна с загадочными кусочками пробки посередине и одной цветочной клумбы с рядом ромашек и алых маргариток. Однажды поутру, когда мальчики играли в этом романтическом месте, один из прохожих – вероятно, молочник – перегнулся через перила и вовлек их в философский разговор.

Мальчики, которых мы назовем Петром и Павлом, очень заинтересовались. Что же до молочника (который, к слову сказать, был эльфом), то он предложил исполнить абсолютно любое их желание. Павел деловито объяснил, что давно мечтает стать великаном, чтобы шагать через континенты и океаны, а на ужин – посетить Ниагару или Гималаи. Молочник достал из нагрудного кармана волшебную палочку, небрежно ею взмахнул, и все поместье вместе с палисадником стало казаться игрушечным домиком на фоне громадной ступни Павла. Он шел, чтобы посетить Ниагару или Гималаи, а голова его касалась облаков. Но когда он увидел Гималаи, они показались ему ужасно маленькими и простенькими, как кусочки пробки в палисаднике у дома, а Ниагара оказалась не больше струйки воды из крана в ванной.

Он обошел весь мир за несколько минут, стараясь найти что-то действительно огромное, но все казалось маленьким, пока, тоскуя, он не прилег сразу на пять или шесть полей и не уснул. К сожалению, голова его чуть не коснулась хижины деревенского интеллигента, который вышел наружу с топором в одной руке и томиком по неокатолической философии в другой. Мужчина посмотрел на книгу, потом на великана, а потом снова на книгу. В книге было сказано: «Можно утверждать, что зло гордыни состоит в том, чтобы оказаться вне пропорций вселенной». Поэтому крестьянин отложил книгу, ухватился за топор и, работая около недели по восемь часов в сутки, отсек великану голову; так все и закончилось.

Такова печальная, но поучительная история жизни Павла. Но Петр, как ни странно, попросил противоположного; он сказал, что давно мечтает стать лилипутом примерно в полдюйма высотой, и, конечно же, немедленно им стал. Когда заклинание подействовало, он обнаружил, что стоит посреди огромной равнины с высокими зелеными джунглями, над которыми возвышались странные деревья с верхушками, подобными солнцу на картинках, с гигантскими серебряными лучами и огромной золотой сердцевиной.

Посередине этой степи возвышалась гора такой романтической и невероятной формы, преисполненная такого величия, что могла бы послужить декорацией к концу света. Вдали у горизонта виднелся другой лес, еще более высокий и таинственный, внушающего ужас малинового цвета, который выглядел как неугасимый огонь. Петр затерялся в приключениях на этой многоцветной равнине, и они до сих пор не подошли к концу.

Такова история Петра и Павла, которая содержит в себе все самые ценные качества современной сказки, в том числе утонченность и абсолютную непригодность для детей.

В действительности, этот почти отчаянный мотив – умалиться или возвеличиться – будет звучать и на дальнейших страницах. Петр и Павел – два главных течения современной европейской литературы, и, быть может, мне будет позволено облечь свои предпочтения в наиболее излюбленную форму, даже если я всего лишь смогу, как говорят маленькие девочки, «рассказать историю».

Я едва ли мог бы назвать себя лилипутом. Единственное оправдание для этих набросков – то, что они показывают, что можно увидеть в нашей реальности с помощью очков с увеличительными стеклами. Согласно другой великой литературной теории, широко представленной Редьярдом Кипплингом, мы, современные люди, призваны восстановить свою

идентичность путем длительных путешествий, увидеть мир во всем его географическом разнообразии, ощущая, что наш дом одновременно везде и нигде.

Таким образом, оба этих воззрения стоят на том, что человек в сюртуке, в футляре – душераздирающее зрелище. Школа мистера Кипплинга рекомендует нам посетить Центральную Африку, чтобы встретить там людей без сюртуков. Школа, к которой принадлежу я, считает, что мы должны внимательно смотреть на людей, чтобы увидеть в каждом из них скрытого под сюртуком человека. Если мы будем смотреть на человека достаточно долго, возможно, для нас он снимет свой сюртук, а ведь это гораздо больший комплимент, чем снять перед нами шляпу.

Другими словами, мы можем, фиксируя внимание на действительности, лежащей перед нами, превратить ее в приключение, чтобы она, оставив свое прежнее значение, наполнилась таинственным смыслом. Предназначение литературы Кипплинга – показать, как много небывалых вещей человек может встретить, если будет активно шагать с континента на континент, как великан в моей сказке. Но цель моей школы – дать увидеть, сколько небывалых вещей может заметить самый обычный, ленивый человек, если приучит себя смотреть по-настоящему.

Для этого я взял самого ленивого человека, которого знаю, то есть себя, и завел дневничок для таких странных событий, как, например, когда я случайно упал во время очень неспешной прогулки. Если кто-то скажет мне, что нет смысла толковать о таких мелочах, как будто это что-то серьезное, я смогу только поблагодарить его за то, что он разглядел шутку. Если кто-нибудь скажет, что я делаю из мухи слона, я с гордостью признаюсь, что так оно и есть: не могу представить более успешного и продуктивного предприятия, чем производство слонов из мух. Но должен добавить тот немаловажный факт, что мухи и есть слоны, – надо только стать лилипутом, как Петр, чтобы обнаружить это.

Я сомневаюсь в главной цели скалолазания – в том, чтобы забраться на самую вершину и смотреть сверху на весь мир. Сатана мог бы считаться лучшим из альпинистских гидов, когда вознес Иисуса на самую высокую гору и показал Ему сверху все царства земные. Но радость сатаны, стоящего на вершине, не в том, чтобы радоваться простору, а в том, чтобы видеть под своими ногами всех людей как мелких насекомых. Снизу все вещи кажутся больше, из долины они смотрятся выше; я дитя долин и не нуждаюсь в прославленном альпинистском гиде. Я возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь ко мне, но сам я туда не полезу, пока это не окажется совершенно необходимым. Все это я говорю о разуме, и в этот момент нахожусь в самом удобном положении. Я буду сидеть на месте, а чудеса и приключения сами будут порхать вокруг меня, как мухи. Уверяю вас, отсюда они видны во множестве. Мир никогда не будет голодать от недостатка удивительных вещей – разве только от недостатка удивления.

Джером К. Джером

Джером К. Джером, подобно многим, относится к числу писателей, у которых есть «главная книга» (это, бесспорно, «Трое в лодке, не считая собаки»), но никто не считает его автором только этой книги. Сборник «Рассказы после ужина» тоже достаточно известен: обычно издатели публикуют его целиком, однако на самом-то деле это не роман и не повесть, а именно сборник, содержащий в общей сложности восемь достаточно самостоятельных новелл, пять из которых мы отобрали для этой книги. А вот рассказ «Человек науки» современным читателям абсолютно неизвестен, хотя – у Джерома и в самом деле не всегда легко понять, где «роман в рассказах», где сборник рассказов и где отдельные рассказы, дополняющие этот сборник! – он, судя по всему, примыкает к книге «Наброски к повести», она же «Как мы писали роман». А уж что представляет собой эта книга – роман, повесть или сборник (а если сборник, то рассказов или эссе?), вопрос отдельный.

Из сборника «Рассказы после ужина»

Был канун Рождества. Сочельник у моего дяди Джона, сочельник (я вижу, что слишком часто повторяется в моей книге это слово, что делает ее однообразной даже на мой собственный вкус, но представления не имею, чем бы его заменить) в доме № 47 по Лабурнум-гров. Сочельник в тускло освещенной (газовые светильники не работали, ибо газовщики объявили забастовку) гостиной, где мерцающий огонь камина создавал причудливые тени на ярких узорах обоев, а на пустой улице бушевал ураган, и ветер, подобно какому-то неспокойному духу, дул, постанывая, через площадь и метался с тревожным криком вокруг соседней молочной лавки.

Воздав должное трапезе, мы разговаривали и курили. Ужин был просто замечательный, в самом деле великолепный ужин. Позднее, правда, в связи с тем, как мы отмечали эти праздники, у нас в семье возникли проблемы. Пошли нелепые слухи о том, как мы праздновали Рождество, но больше всего относительно моей роли в нем, и некоторые высказывания меня не то чтобы удивили – слишком хорошо для этого я знаю свою семью, – но огорчили, это факт. А что касается тети Мэри, то вряд ли после этих слухов я захочу увидеть ее снова, по крайней мере в ближайшее время. Мне-то думалось, тетушка Мэри знает меня лучше...

Но, несмотря на несправедливость – несправедливость вопиющую! – вряд ли это делает меня несправедливым по отношению к другим, и даже к тем, кто совершил такие вздорные допущения. Ведь не могу же я не отдать должное горячим пирожкам с телятиной, что выпекает тетя Мэри, и поджаренным лобстерам, и выпеченным по ее собственному рецепту ватрушкам, непременно еще теплым (в холодных ватрушках, на мой взгляд, нет никакого смысла, вы потеряете половину вкуса), и не могу не запить все это старым элем дядюшки Джона, после чего остается только признать, что это самые вкусные кушанья на свете. Да, и отдал я этим кушаньям дань в тот же вечер, чего тетушка не могла бы не признать.

После ужина дядюшка приготовил пунш с виски. Я отдал дань и ему тоже, чего не мог не признать дядя Джон. Он сказал, что рад видеть, как мне пришлось по вкусу.

Тетушка отправилась спать вскоре после ужина, так что в компании остались священник нашего прихода, старый доктор Скрабблс, мистер Сэмюэл Кумбс, он же наш член совета округа, Тедди Биффлс, дядюшка и я. Мы все согласились с тем, что идти спать слишком рано, и дядя сварил еще пунша; мне помнится, дань ему отдали мы все – по крайней мере, помню, что я отдал. Да, эта страсть всегда со мной – неизменное желание отдать дань, следствие моего стремления к справедливости.

Мы сидели у камина еще долго, и доктор, чтобы внести разнообразие, сварил пунш с джином – правда, особой разницы я не ощутил. И все же вечер был очень хорош, и мы были совершенно явно очень счастливы – и добры друг к другу.

Дядюшка Джон в течение всего вечера рассказывал нам какую-то забавную историю. О, это и вправду была чрезвычайно смешная история! Правда, я уже забыл, о чем именно шла в ней речь, но что тогда она меня позабавила, это точно; более того, я не думаю, что когда-нибудь смеялся так много за всю свою жизнь. Странно, что я теперь не могу вспомнить эту историю, хотя он рассказал нам ее четыре раза и только по нашей вине не рассказал в пятый. Затем доктор спел остроумную песню, в ходе которой подражал звукам различных животных, какие бывают на скотном дворе. Впрочем, он немного спутал эти звуки: мычал, когда нужно было кукарекать петухом, и издавал петушинный клич, вместо того чтобы подражать хрюканью свиньи; но все было в порядке, поскольку мы и так хорошо знали, кого он изображает.

Я начал рассказывать самый интересный анекдот из всех, какие только знал, но был немного удивлен, что никто не обращает на меня внимания. Сначала мне показалось, будто

это довольно-таки грубо с их стороны, но затем меня осенило: оказывается, я разговаривал все это время только мысленно, обращаясь к самому себе, и, конечно, остальные понятия не имели, что я рассказываю им какую-то историю, и были, вероятно, озадачены, наблюдая мою мимику и выразительные жесты. Просто изумительная ошибка с моей стороны! Не помню, чтобы такое случилось со мной когда-нибудь раньше.

Затем наш викарий демонстрировал карточные фокусы. Он спросил у нас, видели ли мы когда-нибудь игру под названием «Три листика». По его словам, с помощью этой уловки подлые, недобросовестные люди, завсегдатаи скачек и другие подобные им лица, обводят вокруг пальца наивных юнцов, выманивая у них деньги. Как сказал викарий, фокус этот очень простой и зависит только от ловкости рук. При надлежащей ловкости очень легко обмануть взгляд.

Он захотел продемонстрировать нам этот фокус, чтобы мы увидели, как он проделывается, и не стали в будущем жертвой мошенников, взял колоду дядюшкиных карт, которая лежала в чайнице, и, выбрав три карты из колоды – две простых и одну старшую, – сел на коврик и объяснил нам, что собирается делать.

– Я покажу вам сейчас эти три карты – вот так – и положу рубашкой вверх на ковер, а затем попрошу вас указать старшую карту. И вы будете считать, что знаете наверняка, где она лежит.

Старик Кумбс, наш приходской староста, уверенно заявил, что королева лежит посередине.

– Итак, вам кажется, что вы следили за этой картой, – сказал с улыбкой наш викарий.

– Совершенно не кажется, – возразил мистер Кумбс. – Я говорю вам, это средняя карта. Ставлю полкроны на то, что это она и есть.

– Именно это я и хотел вам продемонстрировать, – заключил викарий, обращаясь ко всем нам. – Вот так и попадают на эту уловку глупые молодые люди, теряя свои деньги. Они уверены, что знают, где карта, воображают, что они за ней следили. Мысль о том, что ловкость рук может опережать самый быстрый взгляд, не приходит им в голову.

Он добавил, что знает случаи, когда молодые люди отправлялись на лодочные гонки или на матч по крикету, имея порядочный запас фунтов стерлингов в кармане, и возвращались домой в тот же день с пустыми карманами, потеряв все свои деньги в ходе этой игры.

После чего он сказал, что должен взять полкроны у мистера Кумбса, просто чтобы дать ему полезный урок, который сэкономит деньги мистера Кумбса в будущем; эти два с половиной шиллинга он внесет в благотворительный фонд.

– Нет-нет, напрасно вы беспокоитесь о моем будущем, – ответил старик Кумбс. – А вот вам может потребоваться взять полкроны из того самого фонда.

И он положил свои деньги рядом со средней картой и перевернул ее лицевой стороной вверх.

Представьте себе, это действительно оказалась дама!

Мы все были изумлены, особенно викарий.

Он сказал: мол, иногда и в самом деле происходит именно так – человек выбирает верную карту, но только по совпадению.

И добавил, что все же это будет для человека самым несчастливым совпадением, ведь, если он ставит и выигрывает, это придает ему азарта, побуждая рисковать снова и снова, пока он не выходит из игры без гроша в кармане.

Затем он снова проделал тот же трюк. Мистер Кумбс заявил, что теперь фигурная карта оказалась поближе к ведерку для угля, и решил поставить на нее уже не два с половиной, а пять шиллингов.

Мы, засмеявшись, попытались его переубедить, однако он не хотел слушать ничьих советов и категорически настаивал на том, что имеет право пойти ко дну, раз уж именно таково его желание.

Наш викарий отметил, что он предупредил мистера Кумбса, – и это все, что он может для него сделать. Если он (мистер Кумбс) полон решимости выставить себя дураком, он (мистер Кумбс), разумеется, имеет полное на это право. И ему (викарию) придется-таки взять пять шиллингов, чтобы внести их в ранее упомянутый фонд.

Итак, мистер Кумбс положил на карту возле угольного ведерка обе монеты, по полкроны каждая, а затем перевернул ее.

Вы не поверите, но это снова была дама!

Ну а затем дядюшка Джон поставил целый флорин²⁴ – и выиграл тоже.

В общем, каждый из нас попытался сыграть в эту игру, и все выиграла. Все, кроме викария, для которого оказалась очень мучительной та четверть часа, пока длилась игра. Я прежде и представить не мог, что кому-то может так не везти при игре в карты. Он проигрывал всякий раз.

А потом был снова пунш, и при его приготовлении дядя совершил смешную ошибку: он забыл добавить туда виски. Это заставило нас хохотать, и мы заставили дядюшку Джона добавить в следующий раз виски в двойном размере – в качестве неустойки.

О, какой веселый это был вечер!

А затем мы вдруг отчего-то перешли к разговорам о привидениях: следующее, что я помню, – это то, как мы рассказываем друг другу истории, которые изложены ниже.

Рассказ Тедди Биффлса

Первую историю рассказал Тедди Биффлс, и я постараюсь сейчас ее изложить в точности так, как прозвучала она в устах мистера Биффлса.

(Не спрашивайте меня, впрочем, как я ухитрился изложить ее дословно – владею ли я навыками стенографии или же он потом передал мне авторскую рукопись; я лишь промолчу в ответ. Пусть это останется коммерческой тайной.)

Биффлс назвал свою историю:

Джонсон и Эмили, или Вечная верность призрака²⁵

Я был почти мальчишкой, когда познакомился с Джонсоном. В те дни я как раз проводил дома рождественские каникулы, и в канун Рождества мне позволили лечь спать очень поздно. Открыв дверь своей маленькой спальни, я столкнулся лицом к лицу с Джонсоном, который как раз покидал мою комнату. Он проплыл сквозь меня и, издав протяжный низкий стон, улетучился сквозь окно лестничной площадки.

Разумеется, это поразило меня: я был всего-навсего школьником и никогда раньше не видел привидения, и мне тревожно подумалось, что, наверное, не стоит ложиться спать

---

²⁴ По-видимому, это своеобразный «юмор игрока»: *целый флорин* (в Викторианскую эпоху – серебряная монета достоинством два шиллинга) представляет собой не наибольшую, а, наоборот, наименьшую из ставок, сделанных участниками вечеринки. Так или иначе, все эти ставки невелики. Даже самая крупная из них, две полукроны, то есть 5 шиллингов, для времени действия рассказа (1890-е годы) соответствовала примерно двухдневному прожиточному минимуму, но именно минимуму, на грани полной нищеты.

²⁵ Начиная с названия, вся дальнейшая история густо замешана на пародировании сентиментальных сюжетов как таковых – и прежде всего сюжета небольшой повести «Поль и Виржини» французского писателя Бернарден де Сен-Пьера. Написанная в 1787 году, она сохраняла популярность даже в Викторианскую эпоху.

здесь. Но, поразмыслив, я вспомнил, что пострадать от духов могут только заядлые грешники, поэтому лег, укутавшись в одеяло, и преспокойно уснул.

Утром я рассказал отцу о своем странном видении.

– О, да это же просто старый Джонсон, – ответил он. – Не беспокойся, он живет здесь давно. – И рассказал мне историю этого бедняги.

Джонсон в юности и, естественно, при жизни влюбился в дочь прежнего арендатора нашего дома – потрясающе красивую девушку по имени Эмили, а фамилии ее мой отец не знал. Джонсон был слишком беден, чтобы жениться на ней, и вот, поцеловав Эмили на прощание, а сверх того пообещав ей, что вскоре вернется, он отправился в Австралию, дабы сколотить там себе капитал.

Но Австралия тогда была не то, чем она стала впоследствии. Путешественников там водилось мало; чтобы повстречать кого-то из них, требовалось каждый раз преодолевать огромные расстояния, и, даже если встреча проходила успешно, те жалкие вещички, что после этого переходили в собственность организатора встречи, едва могли окупить даже самые скромные из похоронных расходов – совсем без которых обойтись, как известно, все-таки нельзя. В общем, на то, чтобы сколотить себе состояние, Джонсону потребовалось почти двадцать лет.

Тем не менее задачу, которую он перед собой поставил, в конце концов все же удалось выполнить, при этом он каждый раз успешно ускользал от полиции. И вот Джонсон, преисполненный счастливых надежд и радостно предвкушающий встречу со своей юной невестой, наконец-то возвратился из колонии в Англию.

Он прибыл к порогу столь дорогого ему дома, но нашел тот (дом, а не порог) пустующим и заброшенным. От соседей Джонсон сумел узнать только то, что вскоре после его собственного отъезда семья невесты в одну темную-темную ночь тихо-тихо исчезла, так что никто больше ничего никогда о ней не слышал, а тем более не видел. Надо сказать, и владелец дома, и многие из местных торговцев, чьи счета после этого исчезновения остались неоплаченными, в раздражении предприняли попытки поиска, но не преуспели.

Бедняга Джонсон, обезумев от горя, искал свою потерянную любовь по всему свету. Но так и не обнаружил ее и после многих лет бесплодных усилий вернулся, чтобы скоротать свою одинокую жизнь под кровом того самого дома, где в счастливые минувшие дни он и его любимая Эмили провели столько блаженных часов, раз уж о более долгом сроке говорить не приходится.

Он жил в этом доме совершенно один, блуждал по пустым комнатам, стеная, проливая слезы и призывая свою Эмили; а когда бедняга умер, его призрак продолжал делать то же самое день за днем и год за годом.

И вот, сказал отец, мы арендовали этот дом, благо представитель владельца снизил арендную плату на десять фунтов в год, честно признав, что недвижимость слегка подпорчена фактом обитающего в ней привидения.

Впоследствии я регулярно встречал Джонсона в своей спальне в любое время ночи, как, правду говоря, встречали его в различных помещениях дома и все остальные члены нашей семьи. Сперва мы пытались обходить его или прижиматься к стене, когда он попадался нам на пути; но потом притерпелись, решили, что не стоит церемониться, и начали проходить прямо сквозь него. Вряд ли можно сказать, чтобы он чем-то нам мешал.

Это был кроткий, тихий, безвредный старичок, сохранивший все эти качества и после того, как стал призраком, так что все мы поневоле прониклись к нему жалостью. А для женской части нашей семьи он на некоторое время прямо-таки сделался любимцем: очень уж впечатляла их его загробная верность.

Но время шло, и он стал немного нам надоедать. Слишком уж, понимаете ли, он был печален, никакой тебе бодрости и радушия. Уж конечно, его было жалко, но его поведение

начинало раздражать. Он мог часами сидеть на лестнице и рыдать несколько часов подряд; и каждый раз, когда мы просыпались ночью, можно было не сомневаться, что услышим его возню в коридорах и различных комнатах, вздохи и стенания, после чего было не так-то просто снова уснуть. А когда к нам приходили гости, призрак неизменно являлся и садился за дверью гостиной, чтобы рыдать весь вечер. Он не причинял никому никакого вреда, это уж точно, но сильно омрачал всю обстановку.

– Меня уже тошнит от этого седого придурка, – сказал папа однажды вечером (вы, здесь присутствующие, хорошо знаете моего отца и не будете спорить, что он, когда выходит из себя, бывает довольно резким в высказываниях), после того как Джонсон доставил нам больше неприятностей, чем обычно, испортив хорошую игру в вист, во время которой он засел в каминной трубе и принялся так стенать, что никто не мог уже думать ни о козырях, ни о взятках. – Мы должны найти способ избавиться от него. Если б я только знал, как это сделать...

– Ну, – сказала мама, – конечно, мы никогда не распрощаемся с ним, если он не найдет могилу Эмили. Ведь именно это поддерживает его посмертное существование. Если ты найдешь могилу Эмили и отведешь его туда, его цель будет достигнута – и произойдет то, что всегда случается в подобных случаях с привидением. Вот и все, что нужно сделать. Помани мои слова.

Идея казалась вполне разумной, но трудность заключалась в том, что о местоположении могилы Эмили мы все знали не больше, чем сам покойный мистер Джонсон. Отец уже предложил было подсунуть бедняге Джонсону могилу какой-нибудь другой Эмили, но, как назло, на несколько миль вокруг не было, кажется, ни одной надгробной плиты, под которой бы покоилась женщина с таким именем. Никогда ни до этого, ни после этого я не бывал в местности, где до такой степени было бы трудно найти хоть одну усопшую Эмили.

Я немного подумал, а потом рискнул внести предложение от себя:

– А не могли бы мы как-нибудь подделать могилу для этого старика? Кажется, он не блещет умом, его будет легко обвести вокруг пальца. Во всяком случае, попробовать стоило бы...

– Ей-богу, ты прав! – воскликнул мой отец, и на следующее утро мы позвали рабочих, и они по нашим указаниям насыпали в глубине фруктового сада небольшой холмик, а сверху водрузили надгробную плиту, на которой было написано:

Светлой памяти Эмили

Ее последние слова:

«Передайте Джонсону, что я его люблю».

– Надеюсь, он на это клюнет, – задумчиво произнес папа, осмотрев работу после завершения. – Да, я думаю, что так оно и будет.

И в самом деле, так и произошло!

Мы заманили призрака к могиле в ту же ночь, и это был один из самых трогательных моментов, какие я видел в своей жизни: Джонсон бросился к надгробной плите и отчаянно зарыдал на ней. Наблюдая эту сцену, папа и старый Сквиббинс, наш садовник, плакали как дети.

С тех пор Джонсон никогда больше не беспокоил нас. Он проводит каждую ночь, рыдая на могиле, и, кажется, вполне доволен.

– И он до сих пор там? – спросили мы Биффлса.

– О да. Приходите к нам хоть поодиночке, хоть все вместе – только в нужное время: с десяти вечера до четырех утра в будние дни, с десяти до двух по субботам. В воскресенье он выходной.

Интерлюдия. Рассказ доктора

Я невольно прослезился – так много эмоций вложил молодой Биффлс в свой рассказ. Впрочем, после того как он закончил свою историю, мы все изрядно пригорюнились, и даже старый доктор, обычно не склонный к сантиментам, украдкой вытер слезы. Но дядя Джон опять сварил нам пунш, и мы постепенно вернулись в прежнее расположение духа.

Доктор вскоре почти развеселился и рассказал нам о призраке одного из своих пациентов.

Я не могу изложить его рассказ целиком, как бы мне того ни хотелось. Мы все сочли этот рассказ лучшим за вечер – несомненно, самым впечатляющим и внушающим ужас, – но я затрудняюсь полностью или даже частично воспроизвести его суть даже для себя. А уж если начну пересказывать эту историю для вас, она точно покажется вам недостаточно вразумительной.

Начал доктор свой рассказ вполне связно, но затем вдруг с его историей что-то произошло, и вслед за началом внезапно наступил конец. Куда именно подевалась середина рассказа, уразуметь я так и не смог.

В конечном счете, насколько я понял, что-то где-то кем-то и с кем-то было найдено; и этот факт вызвал у мистера Кумбса неожиданные ассоциации с очень необычным происшествием, имевшим место на старой мельнице, которую когда-то держал не то его зять, не то шурин.

Мистер Кумбс немедленно сказал, что он расскажет нам этот случай, и, прежде чем кто-нибудь успел оказать сопротивление, он уже начал.

Он заявил, что его рассказ называется

Мельница, где обитают призраки, или Разрушенный дом (в изложении мистера Кумбса)

– Итак, мой родственник мистер Паркинс, которого вы все, конечно же, знаете, – начал мистер Кумбс, достав изо рта длинную глиняную трубку и сунув ее за ухо (мы отнюдь не были знакомы с его родственником мистером Паркинсом, но сказали, что знакомы, просто для того, чтобы сэкономить время), – опять же как вы знаете, когда-то взял в аренду старую мельницу в Суррее и переехал туда жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.